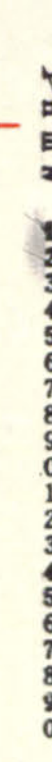

ОГОНЁК
№ 7 ФЕВРАЛЬ 1971
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Бригадир М. Д. Орлов знакомит выпускников ПТУ с их новыми обязанностями.

Строитель Н. Н. Кубанов: На стройке теперь без сварки не обойтись!

КОМ

Основан 1 апреля 1923 года

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 7 (2276)

13 ФЕВРАЛЯ 1971

МУНИСТЫ

«У КОММУНИСТОВ НЕТ НИКАКИХ ПРИВИЛЕГИЙ, КРОМЕ ОДНОЙ,— БОЛЬШЕ, ЧЕМ ДРУГИЕ, ОТДАВАТЬ ОБЩЕМУ ДЕЛУ, ЛУЧШЕ, ЧЕМ ДРУГИЕ, БОРОТЬСЯ И ТРУДИТЬСЯ РАДИ ЕГО ТОРЖЕСТВА. У КОММУНИСТОВ НЕТ НИКАКИХ ОСОБЫХ ПРАВ, КРОМЕ ОДНОГО,— БЫТЬ ВСЕГДА ВПЕРЕДИ, БЫТЬ ТАМ, ГДЕ ТРУДНЕЕ».

Л. И. БРЕЖНЕВ

Корреспонденты «Огонька» Ю. Кривоносов и А. Бочинин рассказывают сегодня на страницах журнала о славных делах коммунистов партийной организации Перовского района Москвы, могучего промышленного района столицы, об организации, имеющей большие революционные и трудовые традиции. Первая московская маевка, первый коммунистический субботник, первая бригада коммунистического труда, грозное боевое оружие Отечественной войны — прославленные «катюши» — Перовскому району есть чем гордиться!

Наш репортаж о работе нескольких коммунистов, имена которых назывались на районной партийной конференции, в отчетном докладе первого секретаря Перовского райкома КПСС Василия Петровича Трушина и в выступлениях делегатов, рассказываем и о тех, чьи имена не назывались, а добрые слова говорились в адрес предприятий и учреждений, в которые вложен их труд.

Одним из первых выступал на конференции Михаил Дмитриевич Орлов, бригадир электромонтажников локомотиворемонтного завода, депутат районного Совета:

— Мы знали, что задания пятилетки выполнить будет не так-то просто, и, помнится, крепко задумались, как перестроить работу нашей бригады применительно к новым условиям. У нас были большие трудности с механизацией, с организацией труда, не хватало рабочих, не ладилось и с дисциплиной. Поспорили и решили, что каждой производственной бригаде необходимо иметь свой комплексный план роста производительности труда до конца пятилетки.

Уже четыре года у нас нет нарушений трудовой дисциплины, производительность труда бригады повысилась на семьдесят процентов, и, что особенно отрадно, ребята по-настоящему полюбили свое дело. Все, кто уходил в армию, вернулись после службы к нам. Но, конечно, не в одной нашей бригаде дело — инициатива была подхвачена и другими: только у нас на заводе по комплексным планам трудится сто шесть бригад, а вообще на железнодорожном транспорте наш почин поддержало пятнадцать тысяч человек. Успешно выполняем мы и обязательства, принятые к съезду партии. Сейчас у нас идет смотр эффективности труда на каждом рабочем месте, а участвует в нем целая трудовая армия — тысяча сто человек. В подарок съезду мы выпустим на линию сверхплановую секцию электропоезда, отремонтированную за счет сэкономленных материалов, план первого квартала выполним к 29 марта, а день открытия съезда отработаем на сэкономленных материалах, электроэнергии и топливе.

Мартын Семенович Варданян на заводе тоже двадцать седьмой год, только это завод уже другой — Кусковский химический. Правда, стаж трудовой у Варданяна посолидней, чем у Орлова,— пятьдесят лет. Недавно был он награжден орденом Трудового Красного Знамени. Мартыну Семеновичу перевалило на восьмой десяток, но, глядя на него, этого не скажешь. О самом Варданяне мы рассказывать не будем, а лучше расскажем о заводе, на котором побывали. Вот это и будет рассказ о делегате конференции коммунисте Варданяне. Все, что делается на заводе, имеет к нему самое прямое отношение: начиная с 1945 года Мартын Семенович — бессменный директор предприятия, одного из самых примечательных в отечественной химической промышленности. Примечательно оно не только тем, что здесь когда-то вели научную работу великие химики Д. И. Менделеев и Н. Д. Зелинский, но и тем, что завод стал колыбелью советской промышленности пластических масс. Здесь разработано свыше ста пятидесяти различных видов полимеров. Причем многие из них дали жизнь целым отраслям промышленности, очень важным для народного хозяйства страны. Недавно на заводе разработали два новых материала, о которых стоит сказать подробнее. Для автомобиля «Жигули», выпускаемого на Волжском автомобильном заводе, требовалось наладить изготовление деталей из специального полимера. А у нас в стране он не производился. Делала его в США только одна фирма — Дюпона.

Всего за полгода этот полимер был у нас создан. Теперь из него делается сорок три детали для «Жигулей». Другая победа завода в прошлом году — разработка ударопрочного полистирола. Что это за материал? Да все его знают: им облицовываются внутри холодильники, и в полистироловые баночки упаковывают плавленый сыр. Сейчас строится большой завод для выпуска этого ценного материала, который прежде покупали за рубежом. Качество отечественного полистирола намного выше зарубежного. В 1969 году заводу было присвоено звание предприятия коммунистического труда. Одним из первых он перешел на работу по новой экономической реформе. А вот итоги первых пяти лет. Производительность труда выросла на 46 процентов, сверхплановой прибыли получено около двух миллионов рублей. За счет средств, полученных заводом в результате работы по новой системе, для рабочих предприятия построено четыре двенадцатиэтажных дома — 336 квартир!

Николай Никифорович Кубанов не был делегатом конференции, и лично о нем там не говорилось. Но строительное управление № 324, в котором он «распаковал третью пятилетку», было отмечено: заняло первое место в районе по итогам года среди строительных организаций. Познакомились мы с Кубановым, можно сказать, в небе Москвы — на открытых всем ветрам стальных конструкциях пятнадцатого этажа строящегося высотного здания. Нас направил сюда его бригадир — Евгений Жученко, который на наш вопрос, хороший ли сварщик Кубанов, ответил:

— Да он не хороший, он первый!

— Начинал я когда-то слесарем,— рассказал Николай,— но очень скоро перешел в сварщики, потому что нынешнее строительство все на сварке держится, начиная с колонн и панелей и кончая балконами. Вот и это здание — видите, кругом сварка полыхает — так благодаря ей растет и тянется к небу стальной каркас... Разместится в этом здании проектная организация Министерства путей сообщения. Мы ведь транспортные строители, трест наш так и называется — «Центртрансстрой». И предприятия строим, и служебные здания, и жилые дома. Жилье — дело тоже наиважнейшее, по себе знаю — сам в эту пятилетку квартиру получил... Вот и другим людям к съезду подарок сделаем: наше управление в марте сдаст под заселение три секции — сто двадцать квартир.

В детскую библиотеку № 70 мы попали «по эстафете» — возвращаясь со стройки, проезжали мимо дома, в котором она разместилась, и Кубанов сказал:

— Этот дом тоже мы построили. Зайдите в библиотеку, поговорите с заведующей Ольгой Михайловной Вороновой, она здесь уже двадцать лет работает...

Ольга Михайловна — секретарь партийной организации, в которую входят все коммунисты — библиотечные работники района. И разговор, естественно, вышел за рамки библиотеки № 70.

— Район наш очень большой, на его территории 14 библиотек. Однако резкой границы тут не существует: в нашем микрорайоне, например, четыре школы, из которых только одна «наша», а три относятся к Пролетарскому району. Так мы и с ними держим тесный контакт, а их ученики — наши постоянные читатели. Библиотечная работа трудно поддается учету, но главная задача и, можно сказать, первейшая наша партийная обязанность — воспитать доброе начало в маленьких гражданах страны.

Каждый день к нам приходят школьники, часто целыми классами. Мы устраиваем для них беседы, встречи, чтение отрывков из книг, просмотр диафильмов, прослушивание пластинок... Да,— вдруг спохватилась Ольга Михайловна,— чуть не забыла рассказать о нашем партсобрании, что проходило в конце января. Было оно необычным, потому что на нем присутствовали представители Шаховского района, Московской области, и речь шла о шефской помощи селу. Мы наметили план совместных действий, определили сроки. А потом долго еще говорили по душам, и встречей этой все остались очень довольны...

Мастер и партгрупорг А. В. Алисенок (справа).

О. М. Воронова и ее подопечные.

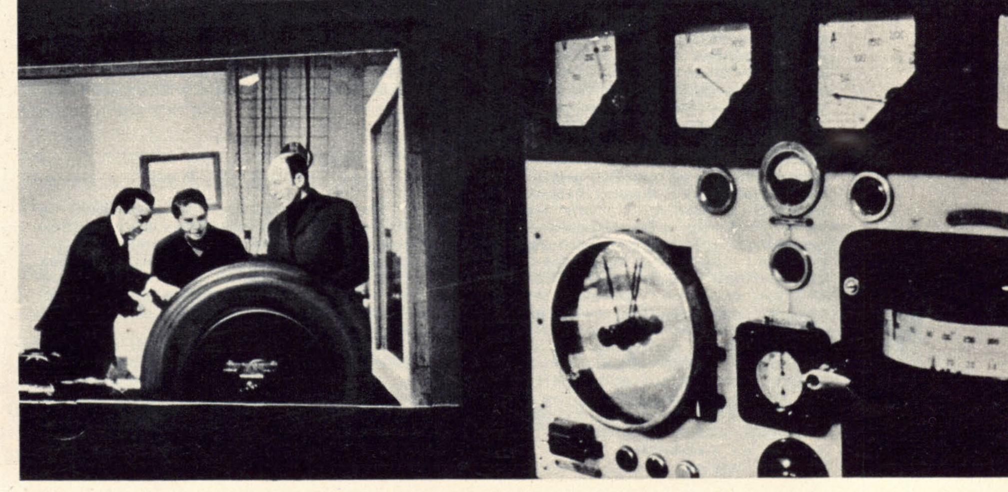
Занятия ведет З. Л. Романова.

Идет районная партийная конференция.

М. С. Варданян.

На испытательной станции НИИ шинной промышленности.
Слева направо: В. Н. Пращикин, З. Д. Власова, О. Б. Третьяков.

ПЕРВАЯ В ИСТОРИИ ПЕРЕДВИЖНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ НА ЛУНЕ

С момента, когда первый земной аппарат — советская автоматическая станция «Луна-9» мягко опустилась на поверхность нашего естественного спутника, минуло пять лет. За это время сделаны важные шаги по изучению Луны с помощью автоматических аппаратов. Принципиально новый этап открыл полет «Луны-16». Впервые в истории космонавтики автоматический аппарат доставил на Землю образцы лунной породы, совершил рейс Земля — Луна — Земля.

Изучение образцов лунной почвы на Земле показало, что хотя они относятся к одному и тому же типу — к базальтовым породам, однако в их составе наблюдается некоторое разнообразие. Все эти данные указывали на необходимость сравнительного изучения лунной поверхности на больших площадях.

Впервые в истории исследования Луны автоматическими станциями такая возможность представилась советским ученым с созданием «Лунохода-1», который был доставлен на Луну с помощью «Луны-17».

«Луноход-1» уже «прожил» на поверхности нашего естественного спутника несколько лунных дней и ночей. С его помощью были выполнены уникальные научные исследования. Сейчас стали известны подробности устройства «Лунохода-1» и первые результаты большой работы, которую проделал советский самоходный аппарат.

«Луноход-1» состоит из двух основных частей: приборного отсека и колесного шасси. Общий вес аппарата — 756 килограммов, диаметр колес — 51 сантиметр, а расстояние между крайними точками переднего и заднего колеса — 2 метра 21,8 сантиметра.

При внешнем осмотре «Лунохода» видны: герметичный приборный отсек, изготовленный из магниевых сплавов, который имеет форму усеченного конуса, радиатор-охладитель, солнечная батарея, расположенная на откидывающейся крышке, иллюминаторы для телевизионных камер, телефотокамеры, блок колес шасси, остронаправленная и малонаправленная антенны, девятое колесо, прибор для определения физико-механических свойств грунта, оптический уголковый отражатель для лазерной локации и т. д.

Прибор для определения механических свойств поверхности Луны имеет механизмы для внедрения конусно-лопастного штампа и его поворота в грунте, а также систему датчиков, с помощью которых непрерывно измеряются усилия, действующие на штамп, глубина погружения его в грунт и угол поворота.

Успешная работа «Лунохода-1» в течение трех лунных дней подтвердила правильность его конструктивного решения, высокую надежность аппарата.

Что же показал анализ научных результатов, полученных с помощью «Лунохода-1»! Главный вывод — успешная работа первой в космонавтике передвижной автоматической лаборатории, предназначенной для комплексного изучения особенностей строения лунной поверхности, окололунной среды и далеких космических объектов.

За первые три лунных дня выполнена маршрутная топографическая съемка полосы длиной более 3 600 метров и шириной до 150 метров. Результаты оперативной обработки материалов представлены на топографической схеме маршрута «Лунохода-1». На ней же даны фрагменты профиля трассы, показаны детали лунной поверхности — отдельные камни, россыпи камней, кратеры, лунки и т. д. В процессе съемки получены стереоскопические панорамы нескольких кратеров, позволяющие произвести изучение их строения.

За первые три лунных дня измерен химический состав пород в четырнадцати различных местах по трассе движения «Лунохода». Это позволило определить содержание алюминия, кальция, кремния, железа, магния, титана и других элементов в лунных породах. Через каждые 15—30 метров пути проводилось внедрение конусно-лопастного штампа в грунт с последующим его поворотом, за истекший период было выполнено около 200 прямых измерений свойств грунта в естественном залегании.

Вся сумма сведений, которые дал «Луноход-1», необходима для получения представлений о геометрической структуре лунной поверхности, статистической оценки насыщенности местности отдельными образованиями, определения их размеров, форм и расположения, оценки условий ориентировки и проходимости, исследования химического состава и физических характеристик лунного грунта и для многого другого.

Доставка на «Луноходе-1» рентгеновского телескопа на Луну по праву может расцениваться как новый этап в развитии внеатмосферной астрономии. С его помощью наблюдались дискретные источники рентгеновского излучения, находящиеся вне плоскости нашей Галактики.

* * *

Виктор Николаевич Пращикин был делегатом конференции, выступавшие называли его одним из лучших пропагандистов партийной организации НИИ шинной промышленности. Однако участники конференции могли познакомиться и с другой стороной его деятельности — в фойе была организована выставка образцов изделий, которые вырабатываются промышленностью района. Среди других экспонатов демонстрировалась великолепная автомобильная шина. Она пробежала много тысяч километров. И больше всего нас удивило, что на протекторе еще сохранился рисунок и шина была вполне пригодна к дальнейшему употреблению. Эта шина, как и ряд других, создана учеными института, в том числе сотрудниками конструкторско-экспериментального отдела, которым руководит кандидат технических наук, член партийного комитета НИИ В. Н. Пращикин. Разработка шин повышенной ходимости была одной из главных задач института, вытекающих из директив XXIII съезда. Теперь такие шины внедряются в производство на нескольких заводах страны. А коммунисты института уже решают новые задачи. И, пожалуй, главная из них — создание шинных заводов будущего, коренным образом отличающихся от нынешних и в 3—4 раза превосходящих их по производительности труда. Будущее это не так уж далеко: строительство новых заводов начнется очень скоро.

* * *

Имя Анатолия Владимировича Алисенка прозвучало на конференции вместе с именами других рабочих: он был запевалой почина ста дней ударной ленинской вахты. И мы отправились на «Компрессор», где работает А. В. Алисенок.

Искусственные катки и химические производства, мясокомбинаты и холодильники, суда-рефрижераторы, кондиционеры воздуха и многое другое не могло бы существовать без холодильных установок — продукции этого завода. Только за последнее пятилетие количество их возросло на 81 процент, а производительность труда — на 52 процента.

— За весь завод я, конечно, отчитаться не смогу,— пошутил Анатолий Алисенок, партгрупорг литейного цеха,— а на нашем участке мы ввели кое-какую механизацию, усовершенствовали технологию. Это во-первых, а во-вторых, подняли культуру производства — вентиляцию наладили, навели чистоту на рабочих местах, покрасили бункеры — прежде ржавые были, вид страшный, а ведь, оказывается, и эстетика дает прибавку продукции. В начале пятилетки бригада наша производила за смену шесть блок-картеров, мы взяли обязательство отливать восемь — и слово свое сдержали. Только тогда в бригаде шесть человек работало, а сейчас всего пять, вот и подсчитайте нашу экономию... Учимся, конечно, занимаемся в кружке политэкономии. В прошлом году окончил я вечернюю школу, хотел поступить в техникум. Да вот дочка у меня родилась, и год получился трудный, решил его пропустить и уж со следующей осени продолжать учебу. А два месяца назад назначили меня старшим мастером литейного конвейера: теперь-то без техникума никак мне нельзя будет... Сейчас мы постановили все оставшиеся до съезда дни считать ударными, давать не меньше двух сменных заданий, а раз обещали — значит, сделаем, иначе нам никак нельзя...

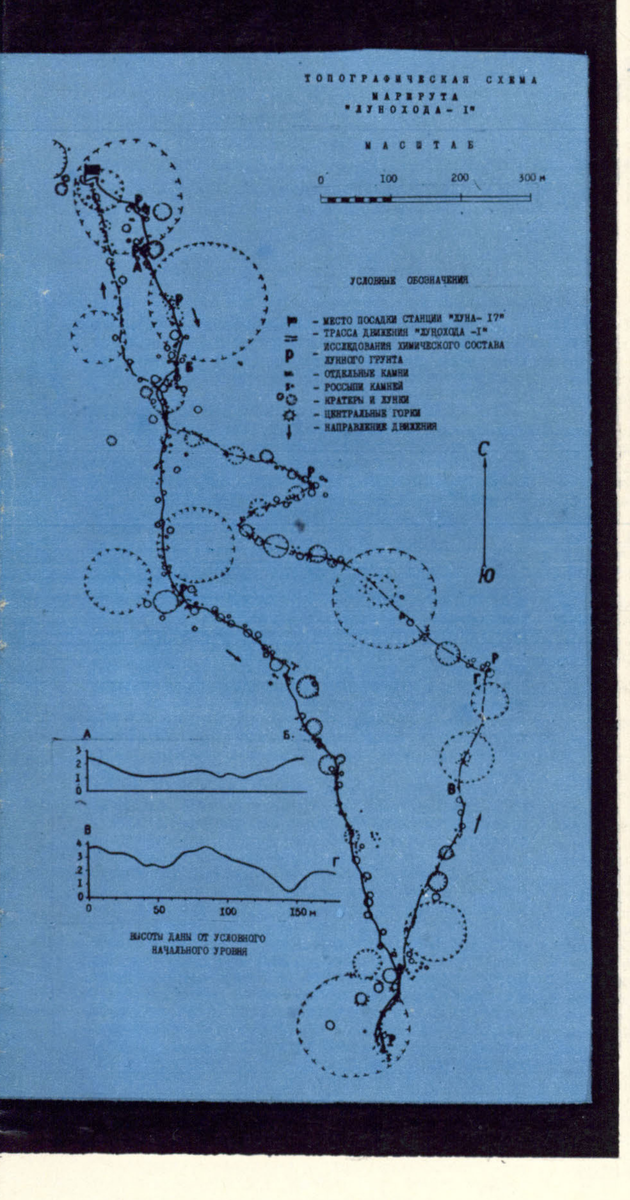
* * *

Зоя Леонидовна Романова посвятила свою жизнь важнейшему делу — воспитанию молодого поколения. Она работает преподавателем в химико-технологическом техникуме.

— Преподавать математику для меня трудности не составляет, подготовка у ребят хорошая — половина групп у нас теперь формируется на базе десятилетки,— ощущается рост общеобразовательного уровня.

Значительно сложнее другая сторона нашей деятельности. Все ученики, конечно, вовлечены в общественную жизнь. Сейчас они, например, деятельно включились в соревнование к съезду партии, готовятся к Ленинскому зачету. С одной стороны, они вроде бы серь-

В коротком изложении сообщения ТАСС трудно перечислить все важные научные результаты, полученные «Луноходом-1». В летопись освоения Луны советской наукой и техникой вписана еще одна знаменательная страница, успешно решена еще одна принципиально новая задача. Новый космический эксперимент не только выдающееся достижение коллективов всех организаций, участвовавших в разработке, создании, запуске, обеспечении полета «Луны-17» и успешном проведении экспериментов на поверхности Луны, но и успех всего нашего народа, трудовыми победами встречающего XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза.

езные, взрослые люди. Но вот недавно побывала я с ними на экскурсии на заводе «Вулкан», так они там из брака понабрали резиновых игрушек и потом на обратном пути все время с ними играли, пищали. Значит, сидит в них еще и детство! И, возвращаясь к соревнованию, скажу, что обязательства они пока что дают охотно, а выполняют-то не очень. Вот это и есть тот самый момент, упустив который можно поставить под угрозу будущие успехи нашей промышленности. К счастью, мы с этим справляемся, и на выпускников наших предприятия не жалуются, а, напротив, шлют нам благодарственные письма...

Мы рассказали всего о семи коммунистах из восемнадцати с половиной тысяч, составляющих Перовскую районную партийную организацию. Мы только коснулись огромной темы, неисчерпаемой, как и сама жизнь. Всего семь человек. Но за их делами встает каждодневный, неустанный и будничный и праздничный в то же время труд людей, строящих будущее.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

НОВАЯ АВАНТЮРА США

Николай **ПАСТУХОВ**

Вашингтон ведет новую эскалацию разбойничьей войны на Индокитайском полуострове, к которой сегодня приковано внимание всего мира. Она несет смерть и разрушения вьетнамцам, камбоджийцам и лаосцам, отравляет международные отношения, рушит надежды человечества на установление прочного всеобщего мира и, как не без основания считает известный обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Джеймс Рестон, подвергает его страну огромному риску.

Собственно, в этом сейчас отдают себе отчет многие в Соединенных Штатах. Согласно последним данным института общественного мнения Гэллапа, 73 процента американцев высказались за вывод всех американских войск из Юго-Восточной Азии в течение этого года. Однако правительство, заявляет член палаты представителей США Уильям Райэн, своими действиями в Лаосе, Камбодже и Южном Вьетнаме полностью игнорирует мнение подавляющего большинства американской общественности.

События на Индокитайском полуострове в эти дни заняли центральное место на страницах всей мировой печати. С чувством гнева и возмущения комментируют эскалацию агрессии США газеты Азии, Африки и Латинской Америки. Большинство западных обозревателей осуждают политику Вашингтона на Индокитайском полуострове. «Затяжной индокитайский конфликт,— отмечает французская «Фигаро»,— обретает сегодня новый, необычайно секретный и тревожный характер». Нынешняя стратегия Никсона, считает английская «Таймс», принесет возможные нежелательные последствия для США. Решительно осудил агрессивные акции Соединенных Штатов Генеральный секретарь ООН У Тан.

Небесполезно сегодня вспомнить, что же вещал Никсон на Гуаме в июле 1969 года. Он пытался тогда убедить общественность, что его новая доктрина «вьетнамизации» войны в Индокитае носит сугубо «мирный характер», «порывает с прошлым», что США будут «проявлять сдержанность», сократят масштабы военных действий, выведут свои войска и не позволят вовлечь себя в новые агрессивные войны в Лаосе, Камбодже и других странах...

А что же произошло на деле? Соединенные Штаты грубо нарушают Устав ООН, надругаются над принципами международного права, попирают Женевские соглашения 1954 и 1962 годов. В прошлом году США совершили наглую агрессию против Камбоджи, масштабы которой расширяются до сегодняшнего дня; массированным бомбардировкам с применением напалма и отравляющих химических веществ подвергаются территории индокитайских государств; осуществляется вторжение в Лаос; сосредоточиваются военные силы на 17-й параллели; и, наконец, за последнее время в США участились заявления безумцев о возможном применении на Индокитайском полуострове тактического ядерного оружия. Все эти действия Вашингтона приводят американскую газету «Крисчен сайенс монитор» к справедливому логическому выводу: «Если во всем мире сейчас имеется почти единодушное желание, то оно состоит в том, чтобы эта продолжительная, ужасная, дорогостоящая и в значительной мере бесцельная борьба была кончена».

Но эскалация усиливается. США мобилизовали крупные силы сайгонской армии и около десяти тысяч солдат американских моторизованных и танковых частей для проведения агрессии против Лаоса. По поступающим сведениям, в атмосфере строгой секретности американо-сайгонские войска уже вторглись в Южный Лаос. Эта акция, по мнению редакционной статьи «Нью-Йорк таймс», угрожает вовлечь США «еще глубже, чем когда бы то ни было, в широкий конфликт во всей Юго-Восточной Азии».

«Ответственность за дальнейшее обострение обстановки в Лаосе, как и в Индокитае в целом,— подчеркивается в опубликованном недавно Заявлении ТАСС,— всей тяжестью ложится на правящие круги Соединенных Штатов Америки».

Новые кровопролития, жестокость и расширение агрессии не изменят логики развития событий. На стороне народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи симпатии и поддержка Советского Союза, других социалистических стран, всех миролюбивых сил нашей планеты. Укрепляется единство патриотических сил стран Индокитая, американские интервенты, сайгонские каратели и наемники из других стран терпят серьезные поражения. Силы национально-освободительного движения неисчерпаемы и неиссякаемы.

...Вот уже несколько лет военные корабли 7-го американского флота, воровски сгрудившись в водах Тонкинского залива вблизи демилитаризованной зоны, пытаются сбить огнем артиллерийских орудий мачту с государственным флагом ДРВ, установленную на границе между Северным и Южным Вьетнамом. Мы, огоньковские корреспонденты, стояли около этой мачты, видели гордо реющий над опаленной землей государственный флаг Демократической Республики Вьетнам — символ непобедимости справедливой борьбы.

— Попадали ли американские снаряды в эту мачту? — спросили мы у офицера Вьетнамской народной армии.

— Да,— ответил он,— но тут же появлялась новая. Наш флаг на нашей земле вечен.

Пора бы понять эту истину в Вашингтоне. Попытки Вашингтона действовать с позиции силы и добиться решения индокитайской проблемы военным путем обречены на провал.

В ОЛЬСТЕРЕ ЛЬЕТСЯ КРОВЬ

Юрий ЯСНЕВ

Сообщения, поступающие из Северной Ирландии, напоминают фронтовые сводки той поры, когда английские войска вели широкие карательные операции против национально-освободительного движения на Кипре и в Адене. Аналогия не случайная. Главнокомандующий английскими войсками в Ольстере генерал Фрилэнд облечен теми же правами, какими были наделены в прошлом его коллеги на Кипре и в Адене. А именно: патронов не жалеть, действовать быстро и круто.

Разница лишь в том, что войска, которыми командует Фрилэнд, оснащены более изощренными средствами для проведения репрессий. В их распоряжении — гранатометы, выбрасывающие капсулы с газом «си-эс», резиновые пули, водометы. На очереди и другие новинки, созданные Лондоном,— нейлоновые сети и шнуры против демонстрантов, аппараты для дымовой завесы, метатели пены, несмываемая краска, выбрасываемая в лица людей. Что и говорить, арсенал, достойный «свободного мира».

В 1970 году правительство Северной Ирландии затратило «на подавление волнений в стране» огромные средства, которые явились одной из главных статей расходной части бюджета Ольстера. Лондон умалчивает, какая сумма на эти цели была истрачена с его стороны. А она должна быть немалой, если учесть, что с августа 1969 года на территории Ольстера находится в среднем около 7 тысяч английских солдат, оснащенных большим количеством военной техники, вплоть до танков и вертолетов.

Ожесточенные уличные сражения между населением и английскими войсками, развернувшиеся в первой неделе февраля в Белфасте, перекинулись теперь и в Лондондерри — второй по величине город Ольстера.

Английское министерство обороны сообщает о новых подкреплениях, которые срочно, даже на самолетах, перебрасываются в Северную Ирландию. Под ружье поставлены и резервисты из так называемого «полка обороны Ольстера», созданного из кадров бывших протестантских штурмовых отрядов.

С каждым днем растет число убитых и раненых в Ольстере. Горят жилые дома и школы. По земле стелется ядовитый дым от «си-эс».

А крайне правые силы североирландской реакции не унимаются. Они требуют от властей Лондона и Белфаста более жестоких мер по удушению демократических сил, ведущих борьбу за гражданские и социальные права.

«Армия должна свободно принимать максимальные, а не минимальные меры, использовать свинцовую пулю вместо резиновой пули, огнемет вместо водомета. На возраст и пол не следует обращать внимания. Следует подумать о том, чтобы заменить гражданские суды для разбора дел участников беспорядков военными трибуналами и расстрелом».

Этот чудовищный призыв прозвучал недавно из уст члена североирландского парламента.

Обращает на себя внимание выбор времени Лондоном для усиления репрессий в Северной Ирландии. Он совпадает с возмутившим весь мир расширением американской агрессии в Юго-Восточной Азии. Уж не думает ли Лондон, что озабоченность международной общественности опасной обстановкой, сложившейся в Индокитае, даст ему возможность незаметно для других народов расправиться с североирландскими борцами за свободу? Напрасные расчеты!

Международная прогрессивная общественность, клеймя преступления Пентагона против народов Вьетнама, Камбоджи и Лаоса, не выпускает из поля зрения и события в Ольстере, ибо там и тут по-разному, но проявляется одна и та же хищническая, антинародная сущность империализма.

Жестокости английских карателей на Кипре и в Адене не смогли сокрушить национально-освободительное движение в этих бывших британских колониях. Оно одержало победу. Нет сомнения в том, что и трудная, сопряженная с огромными жертвами борьба североирландского народа за свои права в конце концов увенчается успехом.

Расправы в Ольстере.
Фото ЮПИ.

Космонавты «Аполлона-14»: С. Руса, А. Шепард и Э. Митчелл.

Фото ЮПИ.

ВЫСАДКА НА ФРА-МАУРО

Вадим ЛЕВСКИЙ

...Прошло несколько часов после того, как лунная кабина отделилась от основного блока, в котором Стюарту Русе предстояло ожидать на орбите встречи со своими товарищами после их полуторасуточного пребывания на Луне.

Оставалось каких-нибудь полтора часа до расчетного момента включения двигателя посадочной ступени, когда Шепард и Митчелл вдруг обнаружили, что автоматика выдала команду на аварийное прекращение посадки лунной кабины. Корабль только-только ушел за Луну и должен был снова появиться минут через сорок — лишь тогда можно будет восстановить связь с Землей.

Что-то произошло, и теперь получалось, что спустя 26 секунд после включения двигателя на посадку должна автоматически сработать аварийная система, которая включит так называемые «программы 70 и 71». Это означало, что посадка будет тут же прекращена.

Не удивительно, что в такой сложной системе, как ракетно-космический комплекс «Аполлон», могут возникать отдельные неисправности. К счастью, космонавты еще до выхода лунной кабины из зоны радиотени обнаружили, в чем дело. Заклинило тумблер на пульте управления, причем заклинило в таком положении, что в бортовую ЦВМ — цифровую вычислительную машину — поступала команда на выдачу аварийных программ.

Как только в Хьюстоне узнали о происшедшем, специалисты по системе наведения и навигации быстро разработали специальную программу для бортовой ЦВМ, которая позволяла ей «игнорировать» команду, поступавшую от тумблера. И когда до момента расчетного включения двигателя на посадку оставалось несколько минут, новая программа была введена в вычислительную машину.

Из-за неисправности тумблера командир корабля Шепард осуществлял прилунение вручную с высоты нескольких километров. Вскоре в иллюминаторах показался кратер Коун, на который космонавтам предстояло совершить восхождение.

Шепард, проявив незаурядное мастерство, посадил лунный модуль в 26 метрах от расчетной точки, в районе кратера Фра-Мауро. Причем посадил, как он сказал, на единственную в том районе ровную площадку, да и ту с уклоном в восемь градусов.

...Через несколько часов после посадки был открыт люк. Шепард выходит на поверхность Луны и устанавливает телевизионную камеру. Выбирается Митчелл.

Традиционный сбор «аварийных» комплектов образцов грунта. Осмотр лунной кабины. К их удивлению, посадочные опоры глубоко ушли в пыль, которая, как оказалось, толстым слоем покрывает поверхность в этом районе. Должно быть, идти им будет нелегко.

Устанавливается ловушка для атомов инертных газов солнечного ветра, телевизионная антенна. Затем космонавты натягивают полотнище национального флага и фотографируют друг друга на его фоне.

Теперь необходимо отойти метров на 150 и установить там научные приборы. Шепард и Митчелл приспосабливают блочный подъемник и с его помощью погружают оборудование на специальную двухколесную тележку, которую повезет Шепард. Его партнер несет на штанге научные приборы.

Местность неровная. Сначала незначительный подъем. Затем космонавты чуть ли не по пояс скрываются из поля зрения телекамеры в ложбине, потом постепенно снова появляются во весь рост. Они уже давно прошли свои 150 метров и все никак не могут найти подходящего ровного места для установки приборов.

Но вот на расстоянии 300 метров площадка найдена. Устанавливается лазерный светоотражатель, сейсмометры, детекторы протонов, электронов и ионов, ионизационный манометр. И, наконец, последнее — установки с гранатами. Через полгода по команде с Земли на испещренной следами метеоритных ударов поверхности Луны загремят взрывы. Сейсмические колебания, вызванные ими, должны быть зарегистрированы сейсмометрами. А пока — от греха подальше! — космонавты ориентируют установки с гранатами в безопасном направлении.

Собрав в довершение всего необходимое количество образцов лунного грунта, Шепард и Митчелл возвращаются в лунную кабину.

Первый выход их длился 4 часа 47 минут. Через несколько часов им предстояло совершить куда более сложное путешествие.

Кратер Коун, как это показывали снимки, сделанные с окололунной орбиты, имеет глубину 75 метров, диаметр 300 и высоту склона 120 метров при крутизне около 18 градусов. Причем находился он на расстоянии около километра от места прилунения. Предполагалось, что космонавты смогут достичь гребня кратера.

На этот раз в тележку погружены геологические инструменты и магнитометр. Пошли. По пути собирают образцы пород, берут пробу грунта с глубины около 40 сантиметров, выполняют измерения с помощью магнитометра. И вот начался подъем по склону кратера. Дыхание становится все более прерывистым, пульс учащается. Наконец, когда частота его доходит у Митчелла до 138, а у Шепарда до 150 ударов в минуту, Земля приказывает им сделать остановку для отдыха.

Еще полчаса пути. Температура в скафандрах достигла 28 градусов. Космонавты переключают систему водяного охлаждения на более интенсивный режим и по-прежнему полны решимости достигнуть края кратера. Но нет! Следует приказ возвращаться. До гребня оставалось около 300 метров.

Обратно они идут другим путем, продолжая собирать наиболее интересные образцы. На склоне одного из небольших кратеров они вырывают неглубокую траншею и фотографируют образовавшийся срез.

Вот и снова лунная кабина. Митчелл остается возле нее, а Шепард направляется к участку, на котором во время предыдущего выхода были установлены научные приборы. Незадолго до этого с Земли был отмечен ненормальный режим передачи телеметрической информации, поступающей от этих приборов, и необходимо было поправить антенну телеметрического блока. Вскоре Шепард возвращается к лунной кабине.

Собранные образцы складываются в контейнер. Сворачивается в рулон лист фольги — ловушка для атомов инертных газов. Космонавты входят в лунную кабину и закрывают люк. С момента начала второго выхода прошло 4 часа 34 минуты.

В оставшиеся до старта с Луны несколько часов они приводят в порядок лунную кабину, проверяют бортовые системы. Наконец взлетная ступень отрывается от посадочной и поднимается на орбиту для встречи с основным блоком.

НИКОЛАЙ ГЕ

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

ЗАВЕТ НЯНИ

Несчастье рано вошло в судьбу маленького Коли Ге. Он стал в три месяца сиротой. Всю жизнь благодарная память художника Ге будет сохранять образ доброй няни, заменившей ему мать.

Тридцатые годы прошлого века. Крепостное право... Через много лет уже известный живописец вспоминает картины детства: «Присела на пол милая няня, мальчик обнял ее, увидел знакомые большие голубые глаза, целует их, плачет. Стало жалко няне и себя и питомца. «Ничего, ничего, я так». «Нет, расскажи». Няня быстро встает и показывает питомцу тело, все избитое, израненное».

Не раз приходилось мальчику защищать свою любимицу от истязаний управителя — наследника аракчеевщины, насаждавшего «палочное варварство».

Никогда он не забудет, как однажды отец подкатил к дому на бричке. И среди разгружаемых вещей, в мешке, маленький мальчик Платошка. Отец купил его за двадцать пять рублей...

Николаевский режим. Он оставил глубокие следы в памяти будущего живописца: «Еще одно тяжелое воспоминание: сижу я с няней у окна, против дома площадь, на ней учат солдат. Солдаты... ходят правильными квадратами, линиями, — и вот вдруг выносят одного. Что с ним? Его страшно били и потом вынесли замертво».

Палки, кнут, розги — эти слагаемые сопровождали Николая Ге и в гимназии. Вот образ надзирателя: «Он бил квадратной линейкой, и один раз разломал ее на чьей-то голове. Он рвал уши,— завиток уха отделялся трещиной, которая покрывалась постоянным струпом...»

Зрелый мастер через многие годы пишет с чувством горечи и иронии: «В наше время один из известных литераторов, наверное, не злой человек, соболезновал, что нельзя сечь или что мало секут...»

Было бы неверно вообразить, что маленький Ге не ощущал красоту природы, не замечал хороших людей, окружавших его. Он видел все. Его записки рисуют нам светлую сцену детства: «Рано утром я проснулся. Маленькая комната... спальня, вся залита солнцем. Дверь растворена прямо в садик. Канарейки поют во весь голос...»

Спустя полвека с лишним, накануне смерти, он снова так же остро, по-детски первозданно увидит природу. И напишет полотно, ставшее ныне жемчужиной Третьяковской галереи,— женщину у отворенного в сад окна. Картину, в которой выразит свой безмерный восторг перед радостью бытия.

Николай Ге начал рано рисовать. У колыбели юного таланта стоял скромный неудачник — преподаватель рисования в гимназии. Через много лет, обремененный золотыми медалями Академии художеств, Николай проездом заглянет к старому учителю в Киев... Состоится трогательная встреча. «Он мне сказал грустным голосом: «Я знал, что ты будешь художником,— я тебе не говорил этого, я боялся тебя соблазнить. Нет больше горя, как быть художником!»

К счастью, Николай Ге, пережив тяжелое детство, все же стал художником. Ему в этом помогли добрые люди, и среди них первая няня. Крепостная русская женщина.

«Добрая, милая няня,—восклицает художник,—равной тебе не встречал я более. Никогда тебя не забуду. Ты своею чистою, кроткой народной любовью осенила мое младенчество и завещала мне чуткость к чужому горю».

Слезы няни, стоны крепостных на барской конюшне, свист кнута и розг. Эти видения отрочества родят в его душе протест против насилия, любовь к народу, которые найдут выражение в полотнах гневных и страстных. Художник станет черпать сюжеты из легенд далекой древности, но его картины будут волновать современников, поражая остротой композиции и глубиной философских проблем.

«ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ»

«Тайная вечеря». Больше ста лет отделяют нас от того дня, когда молодой Ге окончил это полотно. И глядя сегодня на картину, экспонированную на выставке в Третьяковской галерее, трудно понять, почему этот классический по форме, удивительно гармоничный по колориту холст вызвал такую бурную реакцию разных кругов общества, такие полярные мнения.

Вернемся в далекий 1863 год. Долгожданный Ге, предваряемый молвой, прославившей картину, приезжает из Флоренции в Санкт-Петербург. Немедля доставили художника и его холст в Академию. Распаковали «Вечерю», натянули на подрамник. Почтенные профессора и академики не стали ждать утра, приказали зажечь свечи... Трепетный свет озарил полотно. Все замерли пораженные. Живая встала перед ошеломленными мастерами сцена из древней легенды... Будто зазвучали под гулкими сводами слова: «Один из вас предаст меня...»

Совет профессоров Академии, не сходя с места, торжественно присуждает Ге звание профессора, что по регламенту было выше звания академика. Даже Брюллов не был удостоен его по приезде из Италии за «Гибель Помпеи».

Итак, триумф! Картина выставлена в Академии, тысячи петербуржцев вереницей проходят перед холстом, ставшим в считанные дни легендарным. Но все ли было так гладко? Вот один из отзывов на «Вечерю»:

Скульптор Рамазанов в «Современной летописи» писал: «Ге первый из живописцев намеренно отнял у величайшего из мировых событий его божественность. Художник сумел угодить ходячим современным идеям и вкусам... он воплотил материализм и нигилизм, проникший у нас всюду, даже в искусство»...

Ну, вот договорились... Коллега по искусству лучше всех понял Ге, «намеренно»! Тут явно пахнет острогом!..

Однако не эти отзывы определяли успех или неуспех полотна. Картина была великолепна, это понимали почти все...

Однажды профессор Тон (строитель собора Спаса в Москве) сказал ему: «Вы необыкновенно чувствуете живописную правду, силу. Напишите в моей церкви, в Москве, св. Александра Невского, возьмите сколько хотите.— Я не могу писать теперь такую вещь,— возражал Ге,— я занят другим. Александр Невский для меня дорогой святой, но я его теперь не вижу, у меня другие задачи.— А, я знаю, почему вы не хотите. Вы революционер. Вы антимонархист.— Не знаю, почему в этом вы видите революционный взгляд? — В вас верят юноши, вот почему вы не хотите взять этого заказа.— Я не знал,— отвечал Ге,— что юноши верят в меня, но если это так, тогда я свято сохраню их веру и не поддамся соблазну...»

Стасов объясняет остроту этого диалога: профессор Тон предложил Ге написать образ Александра Невского с лицом здравствующего императора Александра Второго. Это было модно. Даже Брюллов придавал черты венценосных особ ликам святых. Но Ге был значительно тверже в своих убеждениях.

Есть еще одна важная подробность в создании «Вечери». Как стало известно, художник использовал при поисках образа Христа для картины знаменитую фотографию — портрет Герцена. И это было сделано не случайно, ибо Герцен и Белинский, по свидетельству самого художника, для него «были самыми близкими по душе и самыми влиятельными»...

Вскоре в Италии Ге напишет портрет Герцена, вошедший в золотой фонд русской реалистической школы. О качестве портрета лучше всего сказал сам Герцен: «rembrandtisch» — «по-рембрандтовски» написан.

Однажды к Николаю Николаевичу Ге, когда он находился в зените успеха «Тайной вечери», пришел ученик Академии художеств Иван Крамской посоветоваться душевно, нравственно, правильно ли взбунтовались четырнадцать выпускников Академии, отказавшись участвовать в конкурсе на золотую медаль. Ге взволнованно заявил, что ежели бы он был с ними, то сделал бы то же. Так началась духовная близость двух больших русских художников...

Профессор Тон, обозвавший Ге «антимонархистом», без обиняков заявил после «бунта» в Академии Крамскому: «Случись это прежде, вас бы всех в солдаты!»

Прошло семь лет. Ге побывал в Италии, написал там несколько картин, не имевших успеха, и вернулся навсегда в Россию.

Семидесятые годы... Они были годами становления крупнейшего русского прогрессивного объединения художников — «Товарищества передвижных выставок». Стасов особенно подчеркивает роль Ге в организации Товарищества: «Мясоедов и вслед за ним Ге, приехавший в то время назад в Россию, выговорил недостававшее слово, и все тотчас же встало и пошло, колеса завертелись, машина двинулась могучим взмахом вперед».

В 1871 году открылась Первая передвижная выставка. Трудно сегодня переоценить великую роль этого движения, в котором участвовали такие гиганты русской живописи, как Репин, Суриков, Перов, Крамской, Ге, Саврасов, Левитан и многие другие.

Первая передвижная имела небывалый успех. Крамской писал: «Перов и Ге, а особенно Ге, одни суть выставка». И далее в другом письме: «Ге царит решительно». Полотно Ге на этой выставке было — «Петр I и царевич Алексей», ставшее ныне классикой...

НА ХУТОРЕ ПЛИСКИ

«Мастерская художника Ге, на его хуторе Плиски». Выцветшее, старое фото тона сепии...

Большая комната с верхним светом, с высокими окнами, выходящими в сад. Картины, картины, картины... Огромный мольберт на переднем плане. Холсты, холсты, повернутые к стене, приставленные к шкафам, к мольбертам... Слепки антиков. На полу валяются толстые веревки (видно, ими привязывали модели, когда писал «Распятие»), какие-то сосуды, драпировки. В центре мастерской начатое полотно — знаменитая «Голгофа»... Слева в глубине «Портрет Н. Петрункевич», настолько живо и сочно написанный, что кажется реальной женщиной, стоящей у растворенного окна. Справа на мольберте виднеется «Совесть»... Три шедевра. На одном из подготовленных огромных подрамников приколот в углу «Автопортрет» — седой старик с всклокоченной бородой... Самого хозяина мастерской на фото нет... Возможно, он ушел в один из своих походов в простой русской рубахе, поношенном костюме, с котомкой за плечами.

Ге — человек удивительной судьбы. Вот уже прошло много лет, как он в расцвете сил и дарования бросил шумный Петербург, суету и пустословие и «сбежал» на этот хутор. Он знал, что его ждут трудности. «Лучше в лишениях окончить,— писал Ге,— но не изменять своей веры и своих убеждений. Я чист и считаю себя счастливым человеком, а помирать все равно, что на золотом ложе или под воротами...»

Да, на первых порах было совсем нелегко, но художник не сдавался. Он вел хозяйство, сажал деревья, работал в поле и... даже клал печи. Вот запись, рассказывающая о тех днях: «Я делал печь бедной семье у себя в хуторе, и это время было для меня самое радостное в жизни. И кто это выдумал, что мужики и бабы, вообще простой люд, грубы и невежественны? Это не только ложь, но, я подозреваю, злостная ложь. Я не встречал такой деликатности и тонкости никогда нигде...»

Огромную роль в судьбе Ге сыграл Лев Толстой, связь с которым крепла год от году и продолжалась до самой кончины живописца.

Замечательным свидетельством этой большой дружбы осталась переписка. Любовью, заботой о творчестве художника проникнуты письма Толстого. Он боится, как бы фанатичный Ге, выполняя свой моральный подвиг, совсем не забросил бы живопись: «Про вас ничего не знаю. И что-то мне все чудится, что вам было не совсем хорошо и что вы потому мало работали. Не дай Бог. Ничто в нашем возрасте так не желательно, как то, чтобы вызревающие на нас плоды без бури и ненастья, а при тишине и солнце, падали мягко один за другим на землю. И вот я под вашим деревом стою, дожидаюсь...»

Ге отвечает Толстому: «Не смущайтесь, что я на время оставил работу. Я опять принимаюсь, я не могу жизнь, свое сознание отделять от работы. Я столько пережил в это время, столько переродился, что от этой работы только выиграл, ежели бог это позволит, я действительно вас порадую работой художественной. Искренно только и можно работать, по-моему, но еще нужно жить тем, что хочешь сказать...»

И это были не просто слова... Ге пережил на хуторе Плиски свое второе рождение как художник. Несколько лет творческой немоты напрягли внутреннюю энергию мастера, и в восьмидесятых годах начинается последний, лучший период в его искусстве. Он создает свои шедевры «Что есть истина?», «Распятие», «Голгофу», чудесные портретные работы.

Подобный поздний взлет живописи доступен только немногим мастерам, способным сохранять в преклонные годы юношеское сердце, глаз ребенка и мудрость.

«ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА!»

Накаленные, словно сплавленные в жарком огне цвета горят на поздних полотнах Ге. Пламя янтарных, золотых, желтых красок соседствует с оранжевыми, пурпурными, рдяными колерами... Но это не значит, что художник избегает холодных тонов. Пожалуй, мало у кого из живописцев мира так звучат бирюзовые, лазурные, синие цвета, как у Николая Ге. В борении холодных и теплых цветов, в борьбе света и тени, в романтической взволнованности композиций весь художник Ге — мятущийся, ищущий. Его полотна всегда поражают новизной, неожиданностью решения. Нервная, эмоциональная манера письма заставляет зрителя пытаться активно осмыслить сложный язык его картины. Ярок, не схож ни с кем колорит Ге. Удивительно точно найдены состояния природы. Лунная ночь. Раскаленный полдень. Раннее прохладное утро... Всегда предельно выражена метафора, символ, задуманные художником. Мужествен, лаконичен почерк его последних холстов.

Ге, пожалуй, как никто в русском искусстве, постиг тайны рембрандтовского колдовства. В его полотнах разлит поистине магический свет, его образы живут в предельно обостренной, накаленной высокими страстями атмосфере. Холсты последних лет творчества живописца — симфонии борьбы зла и добра, света и тьмы. Порою глядя на творения Ге, будто слышишь музыку Скрябина — гневную, неистовую и нежную...

«Что есть истина?..» Пилат — наместник Рима. В складках белой тоги, вальяжно облегающей фигуру патриция, все самодовольство Рима — владыки античного мира. Я слышу топот шлемоблещущих когорт Империи, я слышу рев военных труб, стоны рабов и скрежет цепей. Пилат торжествует. Холеный, источающий благополучие. Полный иронии и скепсиса. «Что есть истина?» Великий Рим не дал ему ответа. Неужели этот оборванный нищий, стоящий на пороге лютой казни, может дать ответ?

Льются лучи нестерпимо жестокого солнца на раскаленные плиты мозаичной мостовой. Сверкающий меч света положил грань между жизнью и смертью. Там, в огнедышащей тени, осужденный пророк. Взгляд его, испепеляющий, спокойный, поражает, не забывается никогда. Такова магия кисти художника...

Христос Ге — апостол страждущих и нищих — бесконечно далек от канонических засахаренных изображений Спасителя, принятого церковниками. И церковники, а вместе с ними власть предержащие восстали.

Победоносцев, обер-прокурор и духовный наставник Александра III, доносил царю, что художник Ге поселился у Льва Толстого. Каково? Сошлись два безбожника... Касательно картины «Что есть истина?» оберфискал писал, что полотно оскорбляет религиозное чувство и несомненно тенденциозно! Предложение... убрать с глаз публики картину...

На письме Победоносцева начертана Александром III резолюция — «Картина отвратительная...»

Картину сняли.

Лев Толстой по-другому оценил полотно. «Достоинство картины...— писал он,— в том, что она правдива (реалистична, как говорят теперь) в самом настоящем значении этого слова. Христос... такой, каким должен быть человек, которого мучили целую ночь и ведут мучить. И Пилат такой, каким должен быть губернатор теперь... Ге... нашел в жизни Христа такой момент, который важен теперь для всех нас и повторяется везде во всем мире. И это верно исторически, и верно современно...»

Не обошлось и без курьезов. Ге, взбешенный причитаниями светской дамы, сетовавшей, что-де, мол, Христос на его холсте «Что есть истина?» некрасивый, ответил ей: «Христос, сударыня, не лошадь и не корова, чтобы ему быть красивым. Я до сих пор не знаю ничего лучше человеческого лица, если оно не урод, разумеется. Да притом человек, которого били целую ночь, не мог походить на розу...»

ПРЕКРАСНОЕ ПОБЕЖДАЕТ

«Вся моя работа до сих пор,— пишет Ге за год до смерти,— состояла в том, что я пробовал все то, чего «не нужно делать», и, наконец, дошел до того, что «нужно сделать», что ужасно просто и что стоит очень давно, т. е. что вечно».

В этих строках нет ни тени кокетства великого художника, знающего себе цену. Грандиозность духовного горизонта Ге в том, что он был всю жизнь предельно правдив. Жить для него — это вновь и вновь рождаться в своих полотнах. И последние его годы отмечены необычайным взлетом творчества. И это озарение подготовлено долгим, мучительным путем осмысления явлений бытия. Его картины — плоды трагических раздумий и радостных открытий.

«Портрет Наталии Петрункевич». Молодая женщина читает книгу у открытого в сад окна. Вот факт. Сюжет прост...

Как по вечерней глади озера неслышно бегут мимолетные блики плывущих облаков, так и в этом холсте, будто гонимые неумолимым роком, неслышно скользят легкие тени раздумий, печали, мечты... Это полотно — целый мир. Бездну ассоциаций, сложную гамму чувств рождает художник, создав внешне статичную композицию. Но покой, с первого взгляда властвующий на холсте, только кажущийся. В глубоких тенях, в тишине старого дома, в тяжелых складках платья, в самом силуэте женщины неуловимо скрыта напряженность. Как будто слышишь густой звук пульсирующего сердца, как будто ощущаешь бег неумолимого времени, отсчитывающего меру радостей и невосполнимых потерь.

За окном жизнь. Скользят по дорожке прозрачные блики солнца. Они зовут нас в глубину сада, в зеленую прохладу деревьев. Тихо... Прошелестела страница книги. Вздохнула женщина. Пробежал ветерок. Зашептались листья... Неуловимые миги бытия... Где-то в лазоревой выси яростно светит летнее солнце, где-то в просторной степи гудит вольный ветер. Где-то кипит жизнь... В старом доме тишина. Пробили часы. Проскрипел паркет. Кто-то прошел по комнатам. В саду прокричала кукушка... Еле заметная, чуть грустная улыбка осеняет юное лицо. Чуть приподняты дуги бровей... Тончайшие интонации чувств улавливает мудрый художник. И эта объемность зрения живописца сообщается нам. Мы начинаем вместе с Николаем Ге бродить по тенистым аллеям запущенного сада, любоваться игрой света и тени, холодных и теплых тонов зелени. Начинаем зорче видеть чудесный мир, окружающий нас, учимся у живописца доброте, приобщаемся к чувству прекрасного.

Ге бесконечно любил природу. Он часто говорил, что сумасшедшие те, которые не находят, что лучше всего на свете весна, сад, деревья, птицы, трава...

Да. Красота нужна человеку!.. И это особенно звучит сегодня, когда зрители нашей земли вот уже больше полувека содрогаются от лицезрения уродства, когда в застекленных дворцах модерного искусства Запада, в роскошных залах пустынно, ибо люди устали от какофонии красок, от бесформенных опусов модернистов. И тем более зримы огромные очереди у входов в музеи и галереи, экспонирующие классическое, реалистическое искусство... Да, мир устал от кривляния, скандального эпатажа и фокусов. Об этом свидетельствуют многие явления в искусстве Европы и Америки. Вот что пишет президент Осеннего салона 1970 года в Париже Мак Авой, отмечая поворот в сторону реалистической живописи, заметный в залах «Гран-палэ»:

«В р е м я   с к а н д а л о в   п р о ш л о... Хотя искать скандала — дело не трудное и достойное презрения».

Лучше не скажешь!

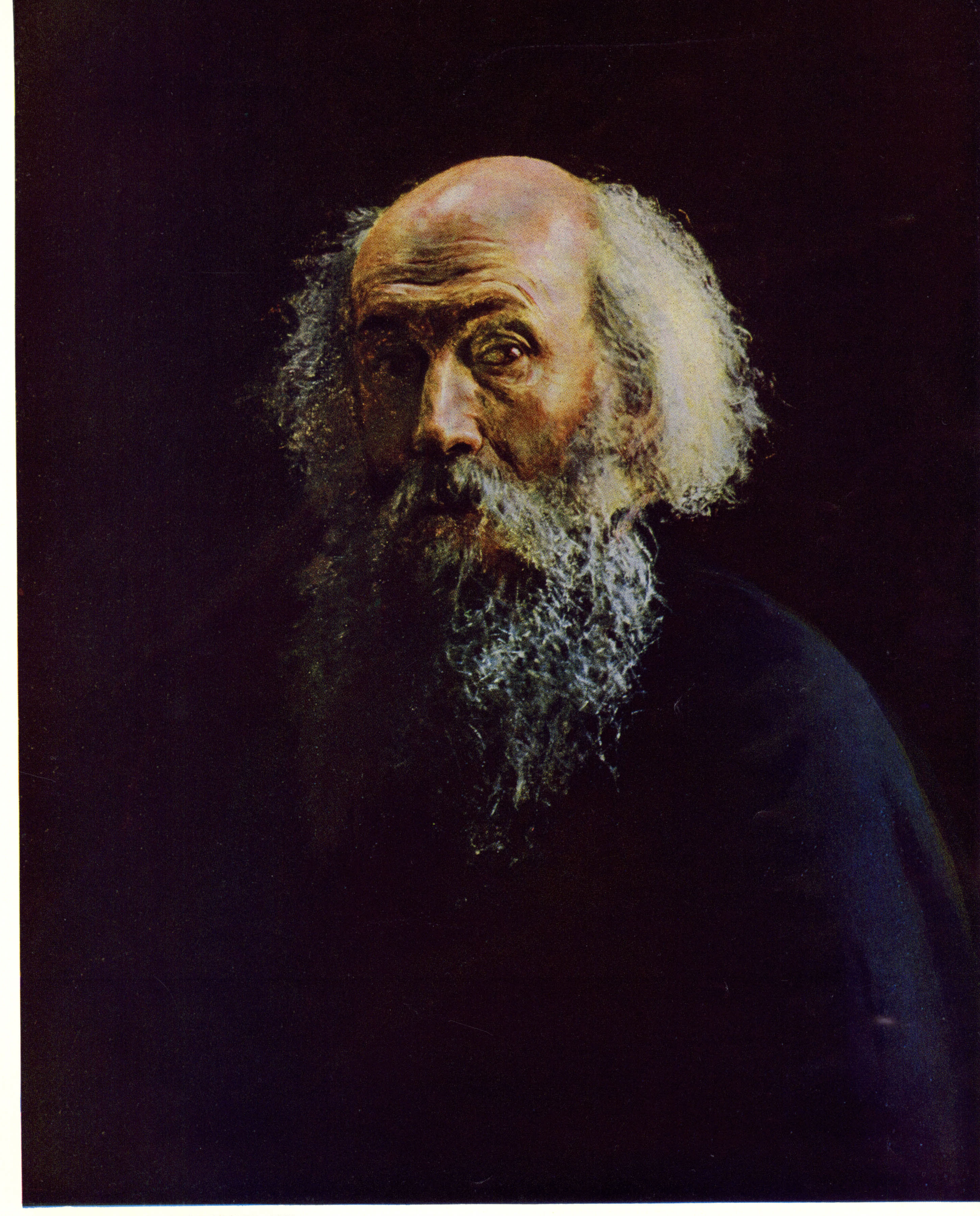
В 1970 году произошло еще одно весьма знаменательное в развитии мирового искусства событие. В Венеции, на Биенале — выставке, которая много лет подряд была оплотом модернизма,— прошлым летом с небывалым успехом прошла экспозиция картин русского, советского художника Александра Дейнеки. Пресса отметила огромный интерес самого широкого зрителя к «солнечному, прекрасному, мажорному искусству». Залы Биенале наполнились людьми. Зритель воочию видел н о в ы й   м и р,   н о в у ю   к р а с о т у!

Это символично. Ведь наша страна была, пожалуй, единственным бастионом реалистического искусства, выстоявшим, несмотря на все попытки снаружи и изнутри взорвать эту крепость. Ленинские заветы об изучении и сохранении классического наследия прошлого сыграли в двадцатые годы кардинальную направляющую роль в развитии культуры нашей великой державы. И когда сегодня мы видим тысячи и тысячи людей, простаивающих часами, невзирая на непогоду, у Третьяковки, у Музея изобразительных искусств, Эрмитажа и других собраний, это — отражение огромной любви народа к живописи, к искусству...

В эти дни в Третьяковской галерее открыты две выставки: Александра Бенуа и Николая Ге, художников разных, представителей нашей русской классики. Сотни зрителей любуются прекрасными творениями Бенуа, его историческими композициями, изучают по ним далекое время, ушедшие годы. Молодые люди с любопытством, пристально вглядываются в чопорных маркизов в пудреных париках, важно вышагивающих по дорожкам королевского Версаля.

Сотни, тысячи зрителей наполняют залы, где представлены полотна одного из великих передвижников, Николая Ге... Бесконечно далеки от наших дней сюжеты многих его картин, большинство зрителей, особенно молодых, мало знают легенды, послужившие художнику канвой для его глубоких, философских холстов. Но такова сила реалистического искусства, таково обаяние пластики портретов, пейзажей, картин живописца, что мы воспринимаем их, как читаем сегодня стихи Пушкина и Фета, прозу Толстого и Тургенева, музыку Чайковского и Скрябина.

Русская классика... Я глубоко верю, что настанет время, когда искусствоведение специально займется вопросом о роли русской живописи в становлении общего хода развития мирового искусства, о д у х о в н о с т и, наполненности высокими идеями гуманизма творений Андрея Рублева, Александра Иванова, Василия Сурикова, Николая Ге и многих других замечательных художников нашей Родины.

Н. Ге. 1831—1894. АВТОПОРТРЕТ. 1893.

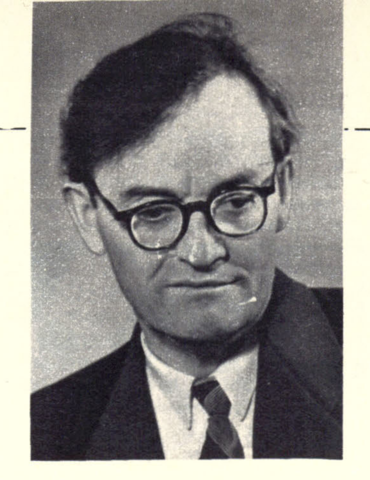
Киевский государственный музей русского искусства.

Н. Ге. ПОРТРЕТ Н. И. ПЕТРУНКЕВИЧ. 1893.

Государственная Третьяковская галерея.

СКЛОНЫ ИРИСТОНА

Георгий КАЙТУКОВ

ПИСАЛ ПОЭТ

Поэту Георгию Малиеву

Где снежных гор столпотворение,
Где серебром ручьи звенят,
Где вечно Терека течение
Цветы, пестря, благодарят,

Где ледники спят в колыбели,
Дрожит от ветра тишина,
Где на седло вершины белой
Садится отдохнуть луна,

Там, окруженный земляками
И молодых и старых лет,
Папаху положив на камень,
Писал письмо вождю поэт.

Писал, и тучи убывали,
Светлей курчавились дымки,
Писал поэт, что диктовали
Ему друзья и земляки:

О мыслях, о надеждах горцев
Писал вождю письмо поэт,—
Мол, нам с тобой за свет бороться —
Иной судьбы у горцев нет.

Писал поэт прилежно, долго,
Склоняя над листом лицо;
Писал, что нет превыше долга
Быть верным Ленину борцом.

Писал старательно, с волненьем,
О том, что в этом крае гор
Роднее, чем товарищ Ленин,
Никто им не был до сих пор.

Писал, а зарево пылало.
И, охраняя свет земли,
Гора, как часовой, стояла
Под тучей-буркою вдали.

Перевела с осетинского
Ирина ВОЛОБУЕВА.

МОИМ ГОРАМ

Будто нарт, горжусь я вами, горы.
Ваша сила, ваш порыв — во мне.
Будто на спину взвалил просторы —
Их нести легко мне на спине.

Но в то же время и бессилен я:
Без гор прожить ведь не смогу и дня!

О КРАСКАХ

Какой люблю я цвет?
Ответ
Не так-то просто дать.
И все же
Мне красный цвет
И синий цвет
Из всех цветов всего дороже:
Мы нашей кровью на войне
Родную землю оросили,
Чтобы спокойно
В вышине
Сиять необозримой сини.

У МОГИЛЫ КОСТА ХЕТАГУРОВА

Коста — живой среди живых.
Его «Ирон фандыр» [1] чудесен.
Сердечна каждая из песен,
Молниеносен каждый стих.

Коста в бою, Коста в огне,
Поборник света и свободы
И недруг тех, кто в наши годы
Стоит от жизни в стороне.

СМОТРЮ НА СКЛОНЫ ИРИСТОНА

Смотрю, смотрю на склоны Иристона:
Отары, облака, простор сквозной.
Когда бы горы знали, как влюбленно
Тянусь я к ним, дружили бы со мной.
Смотрю на Терек — бьет напропалую
По глыбищам, вздымая гулкий дым.
Когда бы знал он, как его люблю я,
Меня б он сделал вечно молодым.

Перевел Лев ОЗЕРОВ.

ДОЖДЬ

Потемнели горные вершины —
Ливень грозовой, гремя, идет.
Кажется невольно осетину,
Что на землю небо упадет.

Плыли тучи, нависая мглисто,
Но под ливнем рядом и вдали
Кедры и дубы умылись чисто
И березки косы расплели.

Без воды сгореть лугам от зноя,
Птицам не звенеть под синевой.
И земля за буйство молодое
Дождь благодарила проливной.

И, казалось, чище и моложе
Стали горы, темный лес на них.
Я подумал: «Если б ливень тоже
Смыл бы, снял бы зло с сердец иных».

Перевел А. ПРОКОФЬЕВ.

УТРО

Черная ночь, торопясь, проскакала
На вороном, на лихом скакуне,
А оглянулась назад с перевала —
Утро гарцует на белом коне.
Роща умылась росою холодной,
Зябнут березки в росе босиком,
Кличет завод, словно буйвол голодный:
«Эй, покормите меня угольком!»
Все посвежело кругом, засверкало.
Терек седой, торопясь и бурля,
Влагу живую несет на поля,
Чтобы наряднее стала земля,
Солнце ковров золотистых наткало.
Тени в ущелья сбежали... Заране
Начали плакать в тоске ледники.
Глупый наш рыжий петух загорланил —
Дескать, вставайте, пора, земляки!
Косы в руках косарей засверкали,
Радуя сердце игрою клинков.
Кони асфальтом шоссе проскакали,
Утро приветствуя звоном подков.
Доброе солнце — великая сила —
Щедрым теплом одарило поля,
«Что тебе снилось?» —
Землю спросило.
«Ты, мое солнце!» —
Сказала земля.

Перевела В. ТУШНОВА.

РУЧЕЙ

С утра поет ручей веселый,
Стал голосистым по весне,
Ему любовно вторят долы,
Слагая песню тишине.

Давно я свиста пуль не слышу,
Не слышу дроби сапогов,
А если заберусь на крышу,
Увижу армию снопов.

Чтоб вечно нивы зеленели,
Чтоб пахнул молоком закат,
Они — солдаты без шинелей —
Родную землю сторожат.

Перевела Марина ТАРАСОВА.

ШОФЕРУ, СВАЛИВШЕМУ ЦВЕТУЩЕЕ ДЕРЕВО

Вослед тебе я, огорчен немало,
Гляжу: припоминаю басню я
Крыловскую, в которой рылом стала
У дуба корни подрывать свинья.

Иль в голову ударил чад бензинный,
Когда всей мощью лошадиных сил,
Запрятанных в одной твоей машине,
Ты дерево цветущее свалил?

Оно махало веткою-рукою,
Оно кричало: «Сжалься!» — жизнь любя.
Но сердце было у тебя слепое,
Глухое сердце было у тебя!

Оно у нас в бураны устояло,
То дерево — шапчонка набекрень.
И о весне зимой напоминало
И тень дарило в летний знойный день.

Порою веселилось без заботы,
Готовое вот-вот пуститься в пляс.
А вечером, когда мы шли с работы,
Оно всегда приветствовало нас.

Здесь путник укрывался от ненастья,
Его зеленой кроною храним.
А сколько раз своим делились счастьем
Влюбленные, стоявшие под ним.

И вот свидетель счастья уничтожен,
Его теперь, конечно, не поднять!
Пожаловаться дерево не может,
А ты не можешь этого понять!

Перевел В. КАРПЕКО.

---

[1] «Осетинская лира» — собрание стихов К. Хетагурова.

ДЖУНГАРСКИЕ ВОРОТА

Ирина СТРЕЛКОВА РАССКАЗ **Рисунок И. ПЧЕЛКО.**

Мы добрались до озера Алаколь как раз к началу великого комариного звона, к началу той торжественной вечерней службы, которую алакольский комар правит с особым усердием.

Перед нами лежала узкая протока, заросшая камышом, за которым не видать было самого озера, протянувшегося на многие километры и разделенного камышовыми отмелями на множество малых озер, заливов и проток.

Вода в протоке была светлая, по-вечернему тихая, отчетливо слышался сабельный постук камыша, да откуда-то издалека плыла над водой радиомузыка. На том берегу скрытое бугром стояло село Рыбачье, от этого села и содержался на протоке паром, который сейчас был причален к противоположному берегу, рядом с будкой паромщика.

— Эй, дед! — взывали мы, но дощатая будка с одним оконцем и затворенной дверью так и не распахнулась ни на гудок нашего «Москвича», ни на выстрелы в воздух из старой «ижевки».

Значит, он ушел домой, в Рыбачье, этот паромщик, незаурядной лености старик, который своими руками только собирал мзду, а переправлялись его клиенты в порядке полного самообслуживания еще с тех незапамятных времен, когда ни метода такого, ни слова самого и не знавали окрест Алаколя.

Возвращаться назад не хотелось: возвращаться всегда неприятно, даже если ты не очень суеверен, а уж через солончаки и вовсе глупо — можно не добраться до сухих пригорков, а засесть в соленой трясине.

Мы бродили по берегу, лелея в сердцах надежду на машину, которая придет с той стороны, а с нею переправится к нам и паром. Берег был весь в глубоких рубцах, какие оставляют на влажной, податливой земле колеса тяжелых грузовых машин, и в черных следах костров, порою отчетливо круглых, означавших, что топливом были автомобильные покрышки.

Было еще светло, и комары веселились пока в вышине. К их ликующему звону вдруг примешалось тонкое подвывание борющегося с тяжкой дорогой мотора, мы навострили уши, но мотор терзался на той же дороге, которую только что с тем же надрывом одолели и мы. И действительно, через некоторое время из камышей вынырнул закиданный белесой грязью грузовик. Сменив нас, шофер с грузовика, совсем еще молодой паренек, поорал на берегу, тщетно призывая паромщика, а потом уступил это дело здоровенному дядьке из «газика», выбежавшего на берег с проворством привычного к камышовым джунглям зверька.

Рыбачье отвечало нам нежнейшим скрипичным концертом.

Начало вдруг быстро темнеть — и комары опустились на нас.

Меж тем паренек, шофер грузовика, прикатил откуда-то из камышей мокрую лысую шину, свалил внутрь ее обломки досок, гнилушки, плеснул солярки и поджег. Пламя вскинулось вверх, выпустило черное облако вонючего дыма. Мы потянулись к огню. Это был не лирический лесной костерок, в который глядишь не наглядишься, как вскипает на полешках сок, как огонь то осторожно лижет хворост, то вдруг разом охватывает его со всех сторон. Нет, этот костер гудел и чадил, как примус, обдавая жаром, но все равно любо было сидеть у него и смотреть, как комары стаями втягиваются в пламя и сгорают в нем.

Паренек с грузовика притащил к костру арбуз, раскромсал его на газете крупными скибами, и видно было, что нож не поспевал резать арбузную корку: распираемая изнутри, она раскалывалась, опережая лезвие, — и так бугриста, сочна была открывшаяся алая крупитчатая мякоть.

— Угощайтесь, — сказал парень. — Семипалатинский арбуз. Сахарный.

«Семипалатинский» он произнес с ударением на втором «и», как и положено коренному жителю здешних мест.

— Будем знакомы, меня Валера зовут. Из Уч-Арала я, шоферю в колхозе.

Мы тоже назвали себя, выложили к костру все, что оставалось из съестного.

Подошел здоровенный дядька, прораб.

— Вострецов! — позвал прораб, обернувшись к «газику». — Ты чего там возишься?! Иди сюда! И лещей прихвати копченых, они у меня там, на заднем сиденье... Слышишь, Вострецов?!

— Иду! — долетело в ответ. Что-то странное было в этом «иду», какая-то певучая мягкость...

— А ведь это Митья! — подумала я. — Митья Вострецов...

И вправду, к костру уже приближался Митья Вострецов, в высоких болотных сапогах, в забрызганном красками ватнике, в берете, из-под которого свисал на уши и на шею клетчатый носовой платок. Митья подошел к костру, положил рядом со скибами арбуза связку плоских и круглых, похожих на метательные диски лещей, бронзово поблескивавших при свете костра.

— Здравствуйте, — узнал меня Митья. — Очень приятная встреча.

Он теперь уже совсем правильно, только слишком старательно выговаривал русские слова.

Вострецовы появились в нашем городе года два назад. Иван Акимович, его жена Аннетт и трое сыновей: Александр, Николай и Дмитрий. Отец звал их Сашей, Колей и Митей, но ни сами они, ни мать этих простых имен выговорить не могли; так, младший называл себя Митья, это имя за ним и осталось — Митья Вострецов.

Иван Акимович Вострецов был кряжист, коротконог. По будним дням он носил синюю рубашку грубой ткани — если сказать по-французски, то блузу, — и никогда не застегивал ее доверху, потому что пуговиц у ворота всегда недоставало. Штаны у Вострецова обычно съезжали ниже пупа — не знаю, как он именовал по-французски такое состояние своих штанов. Словом, одет Вострецов был куда неряшливее, чем другие мужчины в поселке строителей, что было даже странно для человека, приехавшего из-за границы. Женская общественность, разобравшись, обвинила в этом жену Ивана Акимовича Аннетт, выглядевшую лет на десять моложе Вострецова, хотя она и была по документам его ровесницей. Мадам Аннетт легко носила свое полное коротенькое тело и удивляла весь поселок малым количеством продовольствия, покупаемого на такую большую семью. По-русски она и говорила и понимала еле-еле, но ни одной кассирше еще не удавалось ее обсчитать, потому что мадам Аннетт не стеснялась до копейки выверять сдачу и с французским клекотом высыпать мелочь обратно в кассиршину тарелку. В поселке строителей это вызывало не похвалы, а общее осуждение.

— Надо же, за копейку так тягаться!

Но главным недостатком мадам Аннетт было даже не это ее сквалыжничество. Иностранка не умела стирать, вывешенное ею бельишко ужасало всех соседок позорно-серым цветом полотенец и простынь, а на мужских майках у подмышек всегда оставались темные разводья пота.

Не зная русского языка, мадам Аннетт не догадывалась, что в краю, куда привез ее муж, бережливость ничто по сравнению с умением до хрустальной голубизны выстирать, выкипятить, выполоскать белье, этим умением здесь так гордились, что ретивой стиркой за год обращали в разлезшуюся тряпку совершенно новую мужскую рубашку, которой при бережном обращении служить бы годы и годы. Многое еще предстояло узнать мадам Аннетт, и Иван Акимович, как видно, не торопил ее на этом пути познания.

В тот год, когда приехали Вострецовы, строителям давали за городом участки под сады. Иван Акимович тоже взял участок. Дорога туда вела через старые огромные сады, которыми знаменито наше Семиречье: на десятки километров стоят в казачьем ровном строю приземистые яблони, с натугой удерживающие на жилистых ветках осеннюю тяжесть апорта. Как-то в воскресенье я встретила в садах Вострецова, он шел по дороге, сняв ботинки и по-городскому неуве-

ренно ступая босыми ногами по земле, которая осенью в Семиречье бывает тепла поособому, про запас на зиму. А потом он остановился перед яблоней и легонько коснулся пальцами яблочного румянца, будто ребенка потрепал по щеке.

И сам Иван Акимович и все трое сыновей работали в жилстрое малярами. Про них рассказывали, что малярят они очень качественно, только медленно, еле успевая укладываться в норму, но при этом кончают махать кистями ровно в четыре и тотчас же уходят, не задерживаясь ни на минуту. Однажды, когда они, кончив работу ровно в четыре, спускались вниз по лестнице, Вострецовых пытался остановить бригадир.

— Где ваша рабочая совесть? Мы этот объект через неделю сдавать должны, а вы...

— Простите, дорогой товарищ,— отвечал бригадиру Митья.— Но мы поступаем по закону. Семичасовой рабочий день, не так ли?

— Да, так! — стукнул себя в грудь бригадир.— Но сдавать надо объект. Понимаете?

Вострецовы быстро заговорили между собой по-французски, Митья им что-то убедительно растолковал, и они, мило раскланявшись с бригадиром, продолжили свой путь.

— Буржуазная психология!— сплюнул им вслед бригадир и добавил еще несколько острых формулировок, непереводимых на иные языки.

В другой раз Митью взялся агитировать председатель постройкома:

— Вот ты по бюллетеню за целую неделю получил, а в буржуазной Франции за время болезни не имел бы ни копейки да еще на доктора бы израсходовался.

— Вы совершенно неправы,— с невозмутимым видом отвечал Митья.— Во Франции я был членом профсоюза, и мы содержали свою поликлинику и своих врачей. Попробовал бы наш профсоюзный врач не дать мне освобождение от работы и попробовала бы касса не заплатить мне за эти дни... О-лала! — И Митья помахал перед носом председателя постройкома указательным пальцем.— Рабочий класс умеет бороться за свои права!

Насчет прав эти Вострецовы, по общему мнению, действительно соображали. Они очень проворно освоили все наши советские законы и пользовались ими куда практичней, чем многие из тех, кто у нас родился, вырос и всю жизнь проработал.

Наверное, им там, во Франции, зевать не приходилось, а то бы пропали. Ведь, судя по тому, с каким имуществом они в наш город приехали, не очень-то богато жилось Вострецовым на чужбине.

Митья Вострецов подошел к костру и сел рядом с Валерой, который тут же подвинул Митье ломти хлеба, сала и арбуза.

— Наваливайся!

Костер багряно освещал нашу еду и наши лица. Есть в свечении живого пляшущего огня особое свойство: пламя отыскивает, высвечивает все наиболее характерное в лицах, и поэтому человек, с которым всего один вечер посидел у костра, обычно запоминается надолго, чуть ли не на всю жизнь.

Живой огонь высветил несомненное сходство сидевших рядом Валеры и Митьи. Оба они были коренные семирекн, с истинно семиреченской крупностью и угловатостью всех черт лица, с узкими, глубоко сидящими глазами, взятыми вприщур, с широкими, немного плоскими скулами.

Дружелюбно поглядывая на Валеру, Митья раздирал леща крупными зубами, закусывая хлебом с салом. А Валера меж тем легонько подзуживал владельца «ижевки»:

— А зря не стреляли-то... Пугануди бы как следует...

— Ружьем не балуют,— всерьез увещевал Валеру прораб.— Не ровен час, человека убить можно...

Валера помотал головой и вдруг посерьезнел:

— А мне дед рассказывал, как здесь, в камышах, в двадцатом году человека убили. Отряд конный пробирался тайно. Ну и встреться им мужик один. Люди воюют, а его черти понесли за камышом — сарай, что ли, крыть собирался. Ну, ладно, встретился и встретился. Но вот загвоздка. Он не знает, красные или анненковцы. И в отряде не знают, свой он мужик или враг. Опять своему тоже доверяй да оглядывайся. Его на допросе покрепче прижмут — враз выложит, где ему отряд встретился, куда путь держал, сколько сабель, есть ли пулемет. Такие дела. Молча разминулись. Мужик для приветствия шапку снял, и больше ничего. И отряд ему ничего. Он, само собой, лошадь погоняет, спешит убраться поскорее, здесь в камышах столько дорог напутано, если уйдет за поворот, и не сыщут его потом. Но командир только бровью повел — ординарец сразу отставать начал. Никто не оглянулся. Только услышали позади выстрел. И точка...

— О-о,— прошептал Митья, оглядываясь на темные заросли.

Я тоже оглянулась. Отсветы огня скользили по камышам, и казалось: четкий строй, штык к штыку, движется на нас. Да, жутковато было здесь в двадцатом, во всем Семиречье шла жестокая сеча, в память о которой остались в каждой станице братские могилы, а в них и казаки чубатые, и седые их отцы, и матери, и жены, и малые дети. При таком последнем расчете чего там значил один мужик, повстречавшийся отряду на солончаковой дороге, ненадежно петлявшей в камышах! Тем более что совсем небольшой срок спустя теми же солончаковыми дорогами покатили телеги, в которых женщины и старики везли по родным станицам бездыханные тела казаков, полегших в последнем страшном побоище у Джунгарских ворот, где атаман Анненков пострелял всех, кто отказался уйти с ним через эти ворота на чужбину.

И, быть может, здесь, на берегу, у перевоза, заночевала тогда старая казачка Евдокия Вострецова, Митьина бабка. Кроме нее, ехать к Джунгарским воротам было некому. Старший из сыновей погиб на германской войне, второй был скошен красной пулей под Челябинском, муж погиб здесь, в Семиречье, у Лепсинска, а младший, Ванюша, еще до последних дней подавал о себе ве-

сточки из атаманова войска: на розыски Ванюши и ехала Евдокия, спрашивая встречных:

— Сына моего там не видели?

— Да вроде не видели,— слышала она в ответ.— Но ты езжай, езжай. Там много еще народа лежит. Может, и твой Ванюша сыщется...

Сыщется! Типун им на язык! Не о том молила бога Евдокия, чтобы сыскать своего Ванюшу у Джунгарских ворот, а о том, чтобы своими глазами удостовериться: не лежит он там, а живой ушел за кордон.

Потом она бродила горной долиной, в которой стоял тошнотворный запах тлена, и склонялась над телами, а людей уж не узнать было: птицы поклевали и глаза и щеки. Но своего Ванюшу мать бы сумела признать, да не было его, слава тебе, господи, среди побитых.

До самой смерти своей сберегала Евдокия Вострецова надежду, что Ванюшка ее остался в живых. А он ни о чем не знал, не ведал. Ни о побоище у Джунгарских ворот, ни о том, как со всех станиц ехали за побитыми. Все это совершилось как бы за его спиной, а он по молодости не оглядывался, он перемахнул через границу родной земли с той же легкостью, с какой перемахивают через степной арычок, и с уверенностью, что вскоре тем же путем, на том же резвом своем коне поскачет обратно: «Счастье, что живой, а там хоть трава не расти».

Хоть трава не расти. Это присловье сложено про легких, беспечных людей, но можно его толковать и как жутковатое заклятье: не расти траве — и обнажится старческое тело земли, обреченной на гибель.

Шесть лет спустя атаман Анненков, поскитавшись по многим странам, тайно пересек границу, но не у страшной памяти Джунгарских ворот, а севернее, у Бухтармы, и, будучи схвачен, заявил, что вернулся с единственной целью — предстать перед судом своего народа.

Если Анненков и вправду пришел, чтобы умереть на родной земле, то желание его исполнилось: суд приговорил атамана к расстрелу.

В тот самый год ездовой Иван Вострецов был заброшен в одну малую южную страну, помирал там с голоду и бродил по яркому и пахучему азиатскому базару в надежде что-то украсть и в сиротском страхе, что поймают и упекут в темницу, где он, Вострецов, сгниет заживо. В помыслах своих он уже решился на темницу, потому что голод час от часу брал верх над страхом. И в корзине с какими-то черными лепешками его рука была схвачена, как стальным капканом. Он смотрел на свою руку, как на чужую, а она билась, точно прихлопнутая лисица. Но тут над ухом кто-то рявкнул:

— Да ты никак русский?!

Смуглый и чернобородый человек с золотой серьгой в ухе кинул в корзину с лепешками узорчатую монету, вывел Вострецова из толпы, купил ему у разносчика миску жирного переперченного мяса, может, даже собачьего или обезьяньего, но Вострецову это было уже все равно, он еду в минуту умял. А чернобородый азиатец тем временем выспросил у Ивана на чистом русском языке, кто он таков и откуда, и, не очень распространяясь о себе, сообщил, что служит по снабжению у здешнего султана и подыщет Вострецову там же, при султанском дворе, какую ни на есть работенку.

Чернобородый и вправду привел Вострецова на султанское подворье, прошел беспрепятственно, как свой, мимо идоловатых стражей с кривыми саблями и, не стучась, открыл двери, за которыми видны были богатые покои, а в них уединенно, за прозрачной кисейной занавесью сидел человек в цветастом, расшитом золотом халате, с зеленой повязкой на голове. Оставив Вострецова у порога, чернобородый прошел за кисейный полог и, вытянувшись во фрунт, отрапортовал:

— Ваше благородие! Имею доложить. Наш один казачок сыскался. Семиреченский!

— Пусть войдет,— милостиво ответил визирь, ибо человек в роскошном халате был доподлинным визирем. Вострецов потом прислуживал ему по дому целый год, пока визирю — бывшему казачьему есаулу — при какой-то дворцовой передряге не отрубили голову...

История эта про есаула-визиря после приезда Вострецовых обошла всех семиреченских стариков, и я помню, как напряженно слушал ее седобородый дедок, бывший красный командир. Видно, с тем есаулом оставались у него свои, давние счеты, под которыми можно было наконец успокоенно подвести черту: собаке собачья смерть. А с Иваном Вострецовым у бывшего красного командира счетов не было. Мальчишке-ездовому по приказу самого Фрунзе еще в двадцатом выходила полная амнистия, и если он ею не воспользовался, то никто, кроме него, дурака, не виноват.

К слову сказать, как раз этот дедок и рассказывал мне про то, как ездила к Джунгарским воротам Евдокия Вострецова. Встретилась она ему тогда на дороге, вся черная, как облетевшее дерево, он и не узнал ее сразу, хотя были одностаничниками. Но самому Ивану Акимовичу, сдается мне, дедок про ту встречу с Евдокией из жалости не рассказывал, хотя я видела не раз, как на скамейке в старом городском саду они сиживают вдвоем — два старика, один в выцветшей военной фуражке, другой в синем берете. Случается, что они проводят там долгие часы: беседуют, не глядя друг на друга и сохраняя дистанцию в полтора метра, определенную раз и навсегда, как полоса ничейной земли, как тот рубеж, перешагнуть который вовсе не просто.

Этого рубежа и быть не могло меж Валерой и Митьей. Они сидели рядышком, приканчивая арбуз, и Валера выкладывал свою житейскую программу:

— Дурака я свалял, что вернулся после армии домой. Вполне мог остаться там, где службу проходил,— и город хороший и девчата там мировые, женись и прописывайся. И в Талды-Кургане в автоколонне мог бы устроиться, у них там объявление «Требуются шоферы» уж сто лет висит, каждую весну подновляют... Понимаешь, специальность у меня нужная. Вот и в колхозе вцепились в меня — не отпускают.

— Так уж и вцепились?— усомнился прораб.— Так уж на тебе одном свет клином сошелся?

— А может, я у матери один сын, тогда что?— строптиво отозвался Валера.— Вы вот знаете, как в колхозе шоферят?..

Митья слушал, разинув рот, а прораб забеспокоился. Этот чертов Митья был все же отчасти иностранцем, нашу действительность показывать таким, как он, хотелось с самой лучшей стороны и не очень вдаваться при них в самокритику. Не для обмана, а так, чтобы не подумали худо, не обессудили нас за нашу простоту.

— Мы этого Вострецова,— вполголоса пояснил мне прораб,— нарочно в бригаду направили, которая клуб отделывала, чтобы он, сукин сын, посмотрел на настоящую колхозную жизнь. А колхоз, сами понимаете, миллионер, там есть на что посмотреть. Полная чаша — через край прет. Но я все же намаялся с этим Вострецовым вот так.— И прораб черканул ладонью по горлу.— Понимаете, допытывается он у председателя, зачем нужен колхозу такой роскошный клуб, расписные потолки, люстры из Латвии и все прочее, если домá во всем селе исключительно одноэтажные и без особых удобств...

— Ну, а работал он как? В четыре кончал?

— От зари до зари,— усмехнулся прораб.— Случай там особый с ним вышел. Приехали художники из Алма-Аты клуб расписывать и заинтересовались нашим Вострецовым — какая, говорят, у человека удивительная судьба. Потом открыли они у него особое чутье по части колера. А Митья им рисовать начал, оказалось, есть у него способности. Ну, он и расцвел. Художники с утра дотемна вкалывают — торопятся роспись окончить. И Митья наш по соседству на колер нажимает и поет: «О Пари, о Пари...»

Прораб встал, чтобы подтащить топлива оголодавшему костру, и Митья тотчас же присоединился к нему. Обратно оба поспешали бодрой рысцой. Митья швырнул в костер охапку гнилушек и с наслаждением сунулся головой в клубы дыма, а потом, растирая кулаками слезящиеся глаза, сказал Валере, как видно, в продолжение начавшегося между ними спора:

— Нет, вы абсолютно неправы. Речь идет не о том, где лучше работать шофером: в городе или в колхозе. У вас незаконченное среднее образование. Значит, после службы в армии вы могли поступить в техникум. Вам известно, что при поступлении в высшие и средние учебные заведения демобилизованные солдаты пользуются преимуществом? Так почему же вы этим не воспользовались?

Валера буркнул что-то невнятное. Митья пожал плечами:

— Мои братья и я в прошлом году поступили в вечернюю школу. Нам разрешили посещать девятый класс. Через год мы, все трое, получим среднее образование. Братья рассчитывают затем поступить в строительный техникум. Но я...— Митья помедлил и потом произнес с величайшей гордостью: — Я буду держать экзамены в архитектурный институт!

Я вспомнила разговоры, ходившие среди строителей, насчет того, как здорово разобрались Вострецовы во всех советских законах и порядках. Про образование они, значит, тоже поняли — какие есть для них великолепные возможности — и зевать не стали. Я подумала тогда, что неплохо бы пригласить Митью в нашу школу к старшеклассникам, которые ни капельки не дорожили своим правом на образование и даже склонны были считать его орудием родительского гнета. Встречу эту я устроила той же зимой. Митья пришел в школу и очень толково объяснил ребятам, какая во Франции хитрая система образования: по закону как будто бы любой может поступить и в среднее и в высшее учебное заведение, но на деле тому, кто из рабочей семьи, это никогда не удается. Есть такие экзамены, на которых определяют, кто способен учиться дальше, а кто неспособен. Способными оказываются дети богатых родителей, которых специально готовят к таким экзаменам. А сыну рабочего прямо в лицо говорят, что он неспособен учиться дальше, что он тупица...

Тут Митья разволновался и перешел на французский язык:

— Если бы вы знали, как это оскорбительно. Мне сказали, что у меня нет данных ни для математики, ни для изучения языков. А для занятий искусством, архитектурой?.. Подумать о таком я и сам не смел, а им и в голову не пришло...— Митья вдруг заметил, что говорит по-французски, и растерянно спросил собравшихся в зале ребят:— Вы понимаете? Ву компрене?

— Уй!— загудел зал. У нас в старших классах изучали французский, и Митью после той встречи стали звать на школьные вечера. Но это было уже зимой, когда на Алаколе бараньим салом застыл лед, когда передохли все комары, когда снегом замело камыши и солончаки, а от Джунгарских ворот с особой силой стал налетать евгей — лютый ветер, проникающий сквозь окна и двери тончайшей снежной пудрой.

А сейчас был еще август, месяц темных ночей. Мы под огненным парусом плыли в самую глубину августовской ночи, и за бортом был Алаколь.

Есть в Семиречье места куда красивее и добрее к людям. Есть застеленные цветным разнотравьем альпийские луга, есть склоны гор, заросшие дикими яблонями и урюком, есть озера с зеленой водой, в которых отражается зубчатый еловый лес, есть белые горные водопады и веселые речки, скачущие вниз по камням. Но особенно хорош в Семиречье ничем не украшенный степной простор, в котором день-деньской купаются птицы. Человек тоже может ополоснуться степным ветром, всласть поплескаться в нем; никакая лесная прогулка не даст радости и чистоты столько, сколько может дать степь Семиречья, вся в петушиных гребнях чия, в сусличьих норах, в бегучих крышах чере-

пашьих домиков, в плоских озерках, разбросанных здесь, как станции птичьих перелетов. А самое большое из степных озер — Алаколь, потому что Балхаш уже не озеро, Балхаш — море.

К утру на воду лег клочковатый туман, а на берегу — и трава и железо — все было в крупной, холодящей воздух росе. Пахло мокрыми головешками, как на пожарище.

Все еще спали, только прораб брился, примостясь на зыбкой кочке. Он полоскал в озере источенное лезвие бритвы, и озеро же было ему зеркалом, в которое он гляделся, вытянув шею. В действиях прораба видна была и сноровка — солдатская, фронтовая — и какая-то ребячливость: пятидесятилетний грузный человек забавлялся, ловчась увидеть свой лик в центре кругов, расходящихся по воде от капель, падавших с бритвы.

Я вспомнила, как у костра прораб разговорился о войне, обижаясь, что москвичи считают, будто в сорок первом их защищали сибиряки, хотя вся панфиловская дивизия была из семиреков, степных, здешних — из станиц и аулов. Выяснилось, что отец Валеры тоже был в панфиловской и погиб в сорок первом там, под Москвой. Валера сказал, что, возможно, и его отец был среди тех, которые отбивались от танков, но в списки на награду попали только двадцать восемь, а остальных не опознали и не записали на награду. С Валерой никто не спорил, потому что слух насчет не попавших в список ходит по Семиречью давно, еще с сорок первого.

Ночью, когда разбредались спать, Валера позвал с собой Митью. И вот сейчас в кузове Валериного грузовика поднялся во весь рост укутанный в брезент Митья, сонно оглянулся по сторонам, выпутался из брезента, спрыгнул на землю и, поеживаясь, побрел к озеру.

— Вода холодная? — учтиво спросил Митья прораба.

Тот прорычал в ответ что-то невнятное. Митья поболтал в воде кончиками пальцев, осторожно почерпнул полгорсти, освежил помятое, обкусанное комарами лицо и утерся платком.

Из кабины грузовика вылез скрюченный Валера, с хрустом распрямился, но умываться, даже так условно, как Митья, не стал. Ограничился тем, что подмел пучком сухого камыша кузов и кабину, а потом ополоснул в озере пыльные сапоги.

Теперь уже никто не спал. Все — умытые и неумытые — слонялись по берегу, по черным палам, по глубоким узорчатым бороздам, пробитым автомобилями. Настроение у всех было кислое. Одно дело — подняться на зорьке перед охотой или перед рыбалкой, тогда и бока не болят от земной тверди, и роса в радость, и мытье со скользкого берега в ледяной, дымящейся воде — сплошное удовольствие. И совсем другое дело, если поднимаешься утром с земли, как с жесткой скамьи на вокзале, и ждет тебя не охота и не рыбалка, а тоскливое сидение с тягостной неопределенностью сроков и горестными раздумьями о свинском неуважении к тебе и в твоем лице ко всему человечеству.

— Какую ужасную ночь мы пережили! — Грея руки в рукавах ватника, Митья выразил мне свое искреннее и глубокое сочувствие. С его привычкой постоянно сравнивать он, возможно, размышлял, что во Франции никто не заночует вот так, за здорово живешь, на комарином берегу, потому что и паромщики, если они там есть, не бросают своего поста, иначе их уволят, и сами граждане не ломят наобум за десятки километров без твердой гарантии, что переправа в полном порядке.

Впрочем, может быть, Митья размышлял и не совсем так. И сравнивал не две разные страны, а разные облики одной из них: наверное, в рассказах Ивана Вострецова родная земля была не совсем такой, какой увиделась воочию его сыновьям. Портрет любимого существа написать всегда трудно: чем точнее описание, тем, значит, равнодушнее был взгляд. Иван Вострецов не был равнодушен, а значит, и не мог быть точным. Но не только ради собственного успокоения стремился он на родину; наверное, он чувствовал, что, пока есть еще силы, надо показать сыновьям дорогу к дому. И мадам Аннетт сумела его понять, хотя — так уж сложилась их судьба — для нее это была дорога от дома.

...Туман с озера медленно утекал в вышину, и в протоке начали играть и шлепать по воде алакольские сазаны, грузные и круглые, как поленья.

И тут, бесшумно проникнув сквозь вымахнувшие из вязкой топи живучие ржавые стебли камыша, вышла на берег белая птица. Она прошла мимо нас — тонконогая, легкая, с царственно вознесенной головой, нежная, гордая, прекрасная, в снежно-белых сверкающих одеждах, прошла, как мимолетное виденье, как гений чистой красоты... Птица не заметила людей, ей незачем было остерегаться и оглядываться: ее как будто оберегала от всех напастей, от злого взгляда, от горячего свинца вот эта чистая красота. И еще оберегало ее то удивительное и чудесное, что она, такая хрупкая, прилетает сюда издалека, из заморских жарких сказочных стран, чтобы в алакольских топях вывести птенцов — продолжение рода белых цапель, для которого во веки веков будет родиной не райский остров, а расплесканный по камышам и солончакам Алаколь.

— Хороша! — уважительно сказал прораб, когда камыш сомкнулся за белой птицей. В голосе его прозвучала, кроме восхищения красотой, еще и радость, что сам он предстал перед этой красотой в надлежащем виде — побритый и подтянутый.

А ружье стояло, прислоненное к дверце нашего «Москвича», и всем было как-то неловко на него смотреть. И сдается мне, что всем показалось в ту минуту, будто и не было вовсе тяжкой комариной ночи и не было кочек под ребрами, и рези в продымленных глазах, и мелкой обидной злости. Было утро, обещавшее, судя по туману, ясный день, — впрочем, семиреченский августовский день и не мог быть неясным, лучшая пора здесь август и сентябрь.

Белая птица принесла нам удачу. Непривычно рано притопал на берег старик паромщик, взошел на свой капитанский мостик и отважно отплыл навстречу нашим попрекам, уповая на людскую отходчивость, а отчасти и на лень: ну, кому охота будет, переправившись через Алаколь, делать крюк и заезжать в Рыбачье, чтобы пожаловаться на перевозчика!

Прежде чем пустить машины на паром, старик достал из потрепанного дамского ридикюля, висевшего у него на боку, бумажный бублик и отмотал ленту билетов, похожих на трамвайные. Я глянула на Митью. Он рассматривал свой билет, как диковину, как свидетельство пребывания на Алаколе каких-нибудь яйцеголовых марсиан. Всего, чего угодно, можно было ожидать после ночи у костра, после сказочного явления белой прекрасной птицы, но только не этого пронумерованного квиточка.

— Давай отчаливай, — торопил Валера. — Ложись на курс, капитан поперечного плавания!

— Вот пущу тебя вподоль! — лениво пригрозил старик и добавил с ехидцей: — Слышь, в клубе вчера танцы были... Под радиолу. Солдаты к нашим девчатам приезжали... Шефы!

Валера только сплюнул в ответ.

Поперечного плавания было минут пять, не больше. После стольких часов ожидания это было даже не обидно, а как-то нелепо и странно. Получалось, что старик паромщик был властен перевозить людей из одного понятия о времени и скорости совсем в иное, был властен показать, что, сколько ни спеши, не обгонишь своих лет и не укоротишь своей дороги. Я заметила, что старик слезящимися, выцветшими глазами все же углядел необычного пассажира — Митью Вострецова и начал осторожненько подкатываться к нему:

— Вы из каких будете?

— Семиреченский, — не без гордости ответил Митья, а старик мелко захихикал:

— Видал брехунов, но таких не приходилось. Сам брехун, но меру знаю.

— А он, если хочешь знать, тебе, старому брехуну, чистую правду сказал, — вступился Валера и потянул Митью от старика. — Да не заводись ты с ним...

— О нет! — с пафосом произнес Митья. — Я ему сейчас все объясню. — Он отступил от старика, заложил руку за борт ватника. — Вот, слушай... — И Митья хрипловатым тенором запел:

Рано утром весной
На редут крепостной
Раз поднялся пушкарь поседелый...
Брякнул сабли кольцом,
Дернул сивым усом...

— И раздул свой фитиль догорелый, — дребезжащим голосом подхватил паромщик.

Никто из нас не знал слов этой старой казачьей песни, сбереженной Иваном Вострецовым как нетленная частица родной земли, а они, Митья и паромщик, истово допели ее до конца, стоя друг против друга и в лад качая головами.

Валера уже причалил паром, одна за другой съехали машины, а старик все не отпускал Митью.

— Значит, из Вострецовых, — напрягал он свою поизносившуюся память. — А слух был, что кончились Вострецовы. Вот и верь слуху...

— Ты бы, парень, вывел нас из камышей, — сказал прораб Валере, — как бы не завязла эта блоха где-нибудь в солонцах, — кивнул он на нашего «Москвича».

— Дело, — согласился Валера.

— Тогда ты первый езжай, — распорядился прораб, — за тобой пойдет блоха, а мы ее прикроем с тыла...

Так мы и поехали. А дороги, прокатанные у Алаколя, похожи на лабиринт — из тех, что печатаются на последних страницах журналов для любителей головоломок. Но любители бродят по лабиринту и залезают в тупики легким кончиком карандаша, а тут едешь-едешь по следу шин и вдруг оказываешься в тупике... Выезжаешь из него, проклиная того олуха, по следу которого ехал, но сам ты, между прочим, тоже кому-то подсунул свеженькие отпечатки своих шин, кого-то заманил на неверную дорогу...

Если бы не Валера, не проскочить бы нам так быстро эти несколько десятков километров. Мы гнались исправно за пыльным хвостом его грузовика, а у топких мест он поджидал, пока наш «Москвич» выберется из соленой жижи, и «газик» к этому времени нагонял нас и насмешливо гудел: «Не робей, блоха!»

Камыши кончились, и открылась степь, как всегда, поражая своей широтой, простором...

До шоссе было уже недалеко, асфальт синел и струился, особенно вдали, и казалось, вот-вот кончится под колесами твердь и дальше придется плыть, поставив паруса, благо ветер дует попутный.

Мы ехали на запад, Джунгарские ворота остались за спиной, навстречу пролетел грузовик с парнями в зеленых фуражках, по открытым ртам было видно — поют во всю глотку, и ветер урвал на нашу долю строчку бессмертной «Катюши».

Слева, в зелени садов, охраняемое острыми пиками пирамидальных тополей, показалось село Уч-Урал. Валера высунулся из кабины, помахал на прощание, свернул на укатанную проселочную дорогу и запылил к родному своему селу.

А солнце уже стояло в зените, по-августовски чуточку уставшее, но еще жаркое, все тени на земле растаяли, и даже в самых глубоких ущельях на дне заискрилась, засверкала бегущая с гор вода, и все семь рек ощутили, как прибывает в них сила.

Мы ехали на запад, обгоняя вереницу невысоких отрогов Джунгарского Алатау. И за зеркальцем на переднем стекле развевалась лента билетов, похожих на трамвайные, алакольский сувенир; где-то за Андреевкой ленту сдует за окно, и никто этого не заметит, а жаль — когда еще удастся снова там побывать...

НА ЛЖИВОЙ ВОЛНЕ

Владимир ЛОМЕЙКО

БРАТЬЯ-РАЗБОЙНИКИ

Эти братья расквартировались с размахом в фешенебельном районе Мюнхена, в Английском саду. Поселились они здесь вскоре после войны. Их крестный отец — генерал Люсес Д. Клей, бывший американский военный губернатор в Западной Германии. Вспоминая то время, он говорит:

— Когда в 1949 году я покинул Германию, я прибыл домой с твердым убеждением, что нам необходим в дополнение к «Голосу Америки» другой братский голос.

4 июля 1950 года состоялись крестины, и младенец, который получил имя радио «Свободная Европа», начал вещать на разных языках одни и те же антикоммунистические бредни. Радио «Свободная Европа» взяло под свою непрошеную «опеку» народы восточноевропейских социалистических стран. Для всех республик Советского Союза заокеанские крестоносцы сделали особое исключение. 1 марта 1953 года состоялись крестины второго братца-разбойника, которому дали имя «Свобода».

Рожденные в годы "холодной войны" братья по антикоммунистическому духу разбойничают в эфире. Они учат всех жить на свой манер, забыв, что даже их духовный праотец Игнатий Лойола не советовал соваться со своим уставом в чужой монастырь. Но что им до этих советов, когда они усвоили главное: цель оправдывает средства.

А средства, отпускаемые на антикоммунистическую пропаганду, и в самом деле немалые. В 1950 году радиостанция «Свободная Европа» имела один передатчик мощностью 7,5 киловатта, который работал несколько часов в неделю. Сегодня 32 радиопередатчика общей мощностью в 2 245 киловатт ведут психологическую войну против социалистических стран. Военная терминология — не наше изобретение. Именно так расценивает деятельность подрывных радиостанций сама западная печать. Вот как, например, характеризует «Свободную Европу» буржуазная газета «Кёльнише Рундшау»: «Из 32 орудий Запад ежедневно в течение двадцати часов обстреливает Восточный блок. Из такого количества радиостанций, расположенных в Федеративной республике и в Португалии, радио «Свободная Европа» ежедневно дает залпы своей информации мощностью более двух мегаватт». Все это предназначено для народов Польши, Венгрии, Румынии, Болгарии и Чехословакии. Потеряв надежду на реставрацию капитализма в социалистических странах с помощью военного и экономического давления, стратеги империализма делают ставку на своего последнего пропагандистского конька.

Профессор социологии Дартмутского колледжа Майкл Чукас, бывший начальник отдела планирования и осуществления моральных операций в Управлении стратегических служб (предшественник ЦРУ), в своей книге «Пропаганда становится зрелой» так описывал значение и преимущества психологической войны:

«Пуля и идея предполагают наличие посылателя и потенциального получателя, но выстреленная пуля израсходована, и даже ребенок может, подняв ее, играть с ней. Пропагандистская же идея живуча, и ее последствия часто нельзя предвидеть».

Центральным штабом американской пропаганды за рубежом является «Информационное агентство США» (ЮСИА).

Не надеясь только на свой голос, американские пропагандисты организовали по всему миру целый хор подголосков с устоявшимся репертуаром «холодной войны». Как и в каждом хоре, здесь есть свои солисты. И к ним, бесспорно, относятся «Свободная Европа» и «Свобода», которые прикрываются фиговым листком «частных» учреждений.

Однако эти учреждения отстаивают отнюдь не частные, а классовые интересы своих заокеанских работодателей. Еще в марте 1951 года в США был создан «Американский комитет за освобождение от большевизма». Затем он получил название «Комитета радиостанции «Свобода» или «Радио Свобода». Самый неприятный вопрос для руководителей обеих радиостанций — это вопрос об источнике финансирования. Обычно здесь следует стереотипный ответ: частные пожертвования. Однако западногерманский журнал «Конкрет» уточняет: «Радиостанция финансируется комитетом «Радио Свобода» из Нью-Йорка. Деньги дают американские промышленники». Причем интересная деталь: американские филантропы деньги дают не огульно, а непосредственно каждому отделу за антикоммунистическое усердие... Не случаен и тот факт, что каждый американский президент за последние 20 лет считал необходимым сказать ряд теплых слов в адрес «Свободной Европы» и «Свободы». Не отступил от этой традиции и Никсон.

Такая поддержка из-за океана, финансовая и политическая, определяет идейную направленность и разбухание зловредных радиомощностей. Из 32 радиостанций «Свободной Европы» 18 находятся в районе Лисабона, а 14 — в Западной Германии. 17 радиопередатчиков «Свободы» сконцентрированы в трех стратегических пунктах: в Испании (Плайя де Пальс) — 6 радиопередатчиков, на Тайване — 3 передатчика и в Западной Германии — 8 передатчиков.

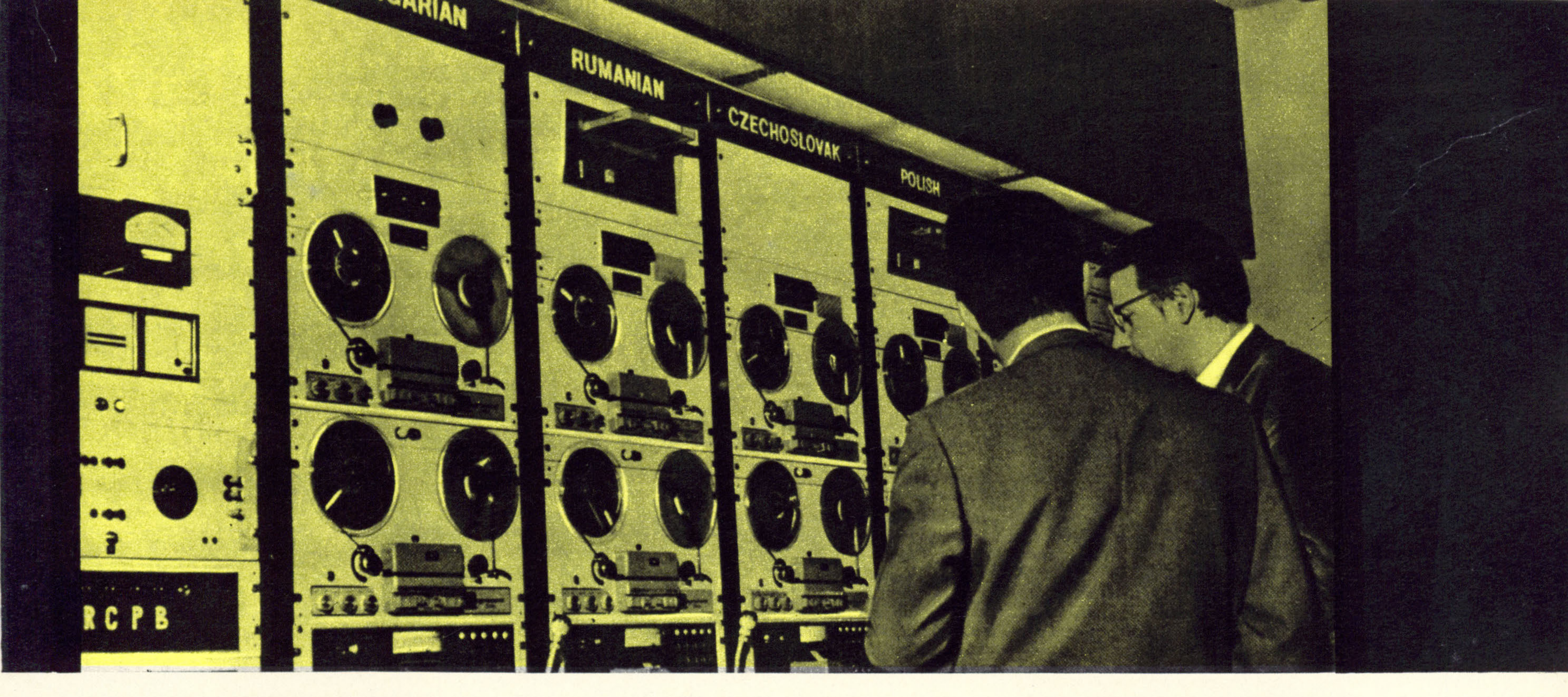
Все эти радиостанции работают практически круглые сутки, посылая в эфир открытые или замаскированные призывы к антиправительственным выступлениям в социалистических странах. За прошедшие 20 лет первоначальная грубость и ругань уступили место умеренности и вкрадчивым манерам. Но суть радиолжи осталась прежней: ярая ненависть к социалистическому строю. Журнал «Конкрет» так оценивает эту перемену методов: «Радио Свобода» в первое время вдалбливало слушателю свой антикоммунизм с помощью деревянного молотка, а сегодня оно распространяет «холодную войну» на мягкой волне».

Изменились времена, меняются и приемы пропаганды. Теперь уже нельзя огульно охаивать социализм перед лицом его неоспоримых успехов. И от грубого антикоммунизма переходят к изощренному. «Факты экономических успехов в Советском Союзе,— отмечает «Конкрет»,— заставили «Радио Свобода» перестроиться».

Чтобы создать у своих слушателей иллюзию информированности и знания обстановки, радиоспецы из «Свободной Европы» и «Свободы» выписывают 250 журналов и газет из Советского Союза и около 900 изданий из других европейских социалистических стран. Помимо этого, используются радиоперехваты, а также беседы с туристами. Не раз приходилось наблюдать, как на встречах с туристами из социалистических стран сидели, примостившись в углу, неприметные, тихие люди с магнитофонами. Техника помогает им оставаться инкогнито, унося потом в студию полную запись непринужденного обмена мнениями. Практикуются и прямые подробные опросы. По данным газеты «Кёльнише Рундшау», за последние пять лет радиостанция «Свободная Европа» опросила 26 тысяч человек. И некоторые из ее анкет были объемом до 20 страниц!

Подробный анализ прессы и опросных листов позволяет составителям радиопрограмм втираться в доверие к иному слушателю, чтобы, подкупив его первоначальным знанием «фактуры», увлечь затем в лабиринт подтасованных фактов. Многие радиопередачи построены по методу опытного шулера, который на глазах у неискушенного зрителя ловко и незаметно передергивает карты. При этом специалисты из «Свободной Европы» и «Свободы» злоупотребляют верой человека в правдивость радиослова в социалистическом обществе. Отказываясь подчас от грубых выводов, западные радиопропагандисты предпочитают поставлять ложь в привлекательной упаковке буржуазного объективизма.

С учетом этого построены и радиопрограммы. Здесь передачи для молодежи и домохозяек, дискуссии по вопросам экономики, литературы и искусства, политические беседы и новости. «Радио «Свободная Европа»,— при-

Кухня лжи «Свободной Европы». Фото из журнала «Нувель обсерватёр».

знается буржуазная «Кёльнише Рундшау»,— пытается сломить монополию стран Восточного блока на информацию».

Итак, ларчик открывается просто. Господам из «Свободной Европы» и «Свободы» не нравится наша информация. Им не нравится наша убежденность в правильности избранного пути, не нравится решимость защищать свои границы, наземные и воздушные, от проникновения враждебного влияния. Им не нравится все НАШЕ, но они, желая замаскироваться, распинаются в симпатиях к «народному, национальному, первозданному», лишь бы только это ничего общего не имело с социализмом.

ПЕВЧИЕ ПТИЧКИ ИЗ АНГЛИЙСКОГО САДА

Кто же прячется за неприметной металлической вывеской «Радио Свобода», которая прикрывает целый комбинат из трех шестиэтажных блоков?

— Для общественности наша радиостанция не представляет интереса,— утверждает господин Роберт Редлих, видимо, большой любитель парадоксов, этот информационный советник «Радио Свобода». Апеллируя к голосу общественности, стараясь всеми доступными ему способами настроить ее против социалистического строя, он в то же время желает остаться в тени и не горит желанием рассказать о себе и своих коллегах.

Роберт Редлих уже 14 лет сидит в кресле информационного советника, но менее всего жаждет делиться информацией о своем учреждении. Находясь на территории Западной Германии, он уверенно говорит и за себя и за западных немцев:

— Будет лучше для обеих сторон, если мы не будем касаться местных условий.

Американец по паспорту, он стремится убедить собеседника, что и слыхом не слыхал о такой организации, как ЦРУ. Служа на радиостанции, которая каждый день отрабатывает антисоветский урок, он, не моргнув глазом, заявляет:

— Мы никогда не занимались подстрекательством. Мы внутренняя благожелательная (!) оппозиция Советскому Союзу.

С особой настойчивостью Редлих отвергает всякую связь «Радио Свобода» с иммигрантами. Сам по себе этот факт примечателен. Еще несколько лет назад иммигранты и «перемещенные» открыто ходили во всевозможных экспертах по социалистическим странам. Теперь мало кто хочет открыто якшаться с ними. «Финансовая и кадровая агония институтов и публикаций, которые ведут идейную войну с коммунизмом, резко прогрессирует,— с явным раздражением писала недавно шпрингеровская «Ди Вельт».— Эксперты, которые знают коммунизм благодаря личному опыту и изучению, которым лучше всего известны характеры народов европейского Востока, кажется, сегодня выходят из моды».

«Ди Вельт», конечно, прибедняется. Она просто недовольна первыми проявлениями разрядки и тоскует по старым временам «холодной войны». Что же касается экспертов по антикоммунизму, то им нечего опасаться за свой хлеб. Слишком много у них покровителей, но подмеченная правой газетой тенденция полного обесценения этого товара действительно имеет место. Посему его поставщики избегают всякой рекламы.

Это не мешает им, однако, каждое утро толпой являться на работу в Английский сад и на Арабелла-штрассе. Даже по информационным данным, на радиостанции «Свободная Европа» в Мюнхене из 975 человек 209 — граждане США, 393 — граждане ФРГ и 373 — люди без родины, беженцы и эмигранты.

Та же картина на «Свободе». Однако, когда западногерманский журналист Гейнц Раббов спросил мистера Редлиха, сотрудничает ли «Радио Свобода» с многочисленными иммигрантскими организациями в Мюнхене, тот начисто отверг это:

— Мы не имеем к ним никакого отношения, и хватит об этом!

«Свободной Европе» скрывать свою связь с иммигрантами и беженцами сложнее. Редакцию, вещающую на Чехословакию, возглавляет чешский беженец Пехачек. Кстати, эта редакция, как отмечает «Кёльнише Рундшау», самая большая на радиостанции. Она ежесуточно обрушивает на граждан социалистической Чехословакии 20 часов злобной клеветы. 19 часов в сутки работает польская редакция. Ее руководитель Ян Новак на вопрос германской журналистки Бригитты Спан, когда он покинул Польшу, высокомерно заявил: «Польшу я никогда не покидал!» С таким восприятием действительности недолго объявить себя и Бонапартом.

Руководитель мюнхенского штаба «Свободной Европы» Эрнст Лангендорф тоже не прочь покрасоваться:

— Мы поддерживаем всякое мероприятие по разрядке напряженности. Это мы построили первые мосты на Восток.

Какие мосты имеются в виду, всем хорошо известно. В первой половине 1968 года «Свободная Европа» вела ураганный огонь по социалистическому строю в Чехословакии и буквально разрывалась на части в своем стремлении поддержать контрреволюцию. «Кёльнише Рундшау» пишет о характере деятельности радиостанции: «Одним из актуальнейших источников информации для «Свободной Европы» и ее «исследователей общественного мнения» являются рассказы беженцев. Эрнст Лангендорф признает, что он, например, тесно связан в Мюнхене с одной организацией чешских беженцев, которая находится в том же здании, где работает бюро ЦРУ».

* * *

...Певчие птички в Английском саду поют на разные голоса, но все об одном и том же — о своих надеждах на возвращение к прежней, досоциалистической эре. Убеждая себя и других, что не они покинули свою страну, а она оставила их, оказавшись без рода и племени, они мстят родине клеветой за самоотлучение. И все это совершается в стране, у которой свое трудное прошлое и где вопрос взаимоотношений с восточными соседями особенно болезнен.

Многие западные немцы искренне стремятся улучшить отношения с социалистическими странами. Но когда из их дома по адресу соседей звучит чужая бранная речь, разве может это способствовать взаимопониманию? Не так давно влиятельная газета «Франкфуртер Рундшау» обратила внимание своих читателей на негативную реакцию в Венгрии, Польше, Болгарии и в других социалистических странах на деятельность «Свободной Европы». Газета привела оценку органа ВСРП "Непсабадшаг": «Присутствие радиостанции «Свободная Европа» мешает развитию отношений ФРГ с восточноевропейскими странами». Об этом же писала финская газета «Пяйвян саномат», которая расценивает радиостанцию как инструмент американской стратегии, цель которой — разрушить социалистический строй.

Газеты Венгрии, Польши, ГДР, Финляндии и других стран задают вопрос: как совместить подготовку и проведение очередных Олимпийских игр в Мюнхене с подрывной деятельностью радиостанций «Свободная Европа» и «Свобода»? Крупнейшие спортивные игры, призванные укреплять сотрудничество и взаимопонимание между народами, находятся в явном противоречии с деятельностью рупоров «холодной войны».

На десятках радиочастот круглые сутки звучит чужой въедливый голос, надсадно толкующий о «свободе». Свобода, о которой он говорит, на самом деле означает: антикоммунистическая пропаганда, оплаченная американскими деньгами, сделанная на западногерманской территории.

Бонн. Передано «Огоньку» через АПН.

Первоклассник Коля Жданов.

Галине Михайловне Макаровой можно доверить тайну. ▶

О ЧЕМ МЕЧТАЮ...

Ю. ЛУШИН

Фото Г. КОПОСОВА.

Специальные корреспонденты «Огонька».

В окна сельской школы смотрит зимнее берендеево царство. Ветра нет, морозище за сорок, и от него туман. Дома в нем словно повисли, прицепившись прямо к небу пушистыми столбами дымов. Но волшебства этого никто не замечает — привыкли. В школе тоже творится волшебство — идут уроки. Первоклассники — лобастые мальчики и смешливые девочки с одинаково мохнатыми ресницами — зачарованы. Сейчас нет для них в мире человека интереснее, чем первая учительница Галина Михайловна Макарова. Она, конечно же, все знает, все умеет... Меня всегда поражало в учителях начальных классов умение вести с первоклашками разговор на равных, серьезно и доверительно, как и безграничное терпение учителя, умение улыбаться в момент, когда хочется стукнуть кулаком по столу.

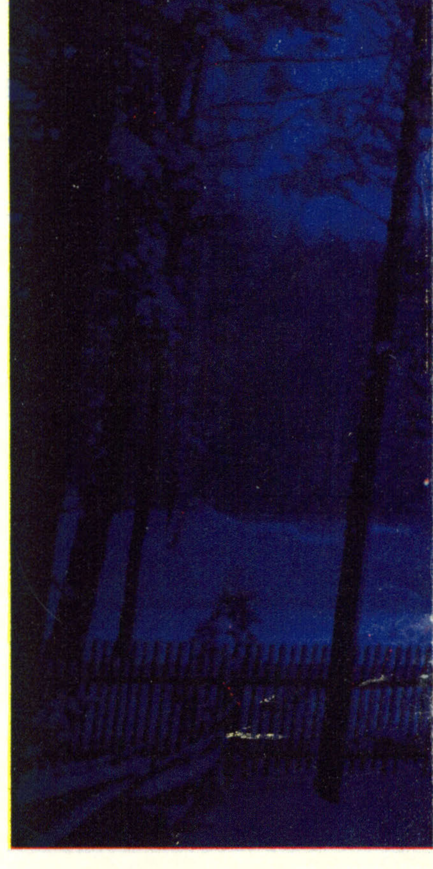
— У нас Коля очень красиво сидит за партой,— замечает в самый разгар урока Галина Михайловна.— Давайте все так сядем.

И все усаживаются, ревниво поглядывая на Колю. Не думайте, что это мелочь. Коля сияет и не догадывается, конечно, что сел-то он красиво всего на минутку, и то нечаянно, а до того все вертелся. Но она не пропустила эту минутку, и теперь Коля горд и будет сидеть и слушать спокойно, быть может, еще пол-урока! Малыш не заметил, как одержал маленькую победу над самим собой. Это ли не волшебство?

На доске тем временем появился ряд примеров, в которых некоторые цифры умышленно пропущены. Надо видеть, с каким неподдельным интересом подходят к доске Ира, Марина, Саша, Наташа, вписывают нужные девятки, семерки, тройки, нули (не цифры — открытия, победы, обретение веры в себя) и как при этом ни на секунду не исчезает улыбка с лица учительницы. И главное, сама Галина Михайловна так же непосредственно делает открытия вместе с первоклассниками, как будто видит эти примеры впервые в жизни, словно и не писала их на доске из года в год более

Перемена.

Люда Ярошенко, девятиклассница.

Лесные огни.

Чтение по ролям.

Семиклассник Володя Погодин: «Мы из Лесного».

десятка лет подряд. Наверное, это и есть талант учителя...

Где-то к концу третьего урока начинаешь видеть, какие они все разные, эти ребятишки. Один — непоседлив, другой — спокоен, один — аккуратен, другой — неряшлив, один — любопытен, другой — равнодушен. И каждый загадка и не похож на другого. И к каждому нужно подобрать особый ключик, потому что учитель должен научить их читать, писать, считать и, что всего важнее, думать. Да, да, малышу необходимо научиться думать уже с первого класса, ибо потом может оказаться поздно. Ведь всего лишь через десяток лет эти лобастые мальчишки и смешливые девчонки уйдут из школы в самостоятельную жизнь, а это означает, что они будут гражданами нового, XXI века. И если наш век называют атомным и космическим, то каким же будет век грядущий? И как их готовит к грядущему вот эта небольшая школа в алтайском поселке Лесном? Учит она своих питомцев алгебре, истории, литературе, химии и прочим школьным премудростям только лишь по программе или стоит за ней нечто большее?

* * *

«Совсем немного времени осталось до выпускного вечера, когда директор произнесет напутственную речь. Ее содержание нам, в общем, заранее известно, тем не менее мы будем слушать, затаив дыхание. Год пронесется, как сон, и со школой распрощаемся навсегда. А как хотелось быть взрослыми! Возмущались, что не пускают на фильмы «до шестнадцати». Теперь можно. Ну и что? Десятый год мы учимся в школе. Изучая литературу, биологию, историю, мы учимся прежде всего быть гражданами, уметь различать, с кем мы, за кого мы, против чего мы, для чего мы. Настало время подумать о будущем. Выберешь ты один или другой путь, станешь ты академиком, героем, мореплавателем или плотником, помни: ты гражданин своей страны, частица Родины...»

Надя Белобородова.

Это из пачки школьных сочинений на тему «О чем мечтаю, к чему стремлюсь». Процитируем еще несколько.

«Человек не может жить без мечты. А я? Стремлюсь ли я к чему-нибудь? Или просто равнодушно шагаю по жизни? Буду ли я настоящим человеком? Не окажусь ли я лишним среди своих современников? Окончив школу, я мечтаю поступить в лесной техникум. Издавна лес был на службе человека: из него делались корабли, на которых совершались кругосветные путешествия, из него человек научился делать себе жилище, он давал людям тепло... Главная задача лесника — оберегать лес. После техникума мечтаю уехать в тайгу».

Сергей Малышев.

«Раньше я мечтала об одном, а сейчас, например, о другом. Раньше я себя представляла уже в белом халате у кровати больного, а сейчас почему-то стараюсь меньше об этом думать, боюсь, как говорят, сглазить. А еще я мечтаю, по-моему, мечтает об этом каждый, а особенно девушка, встретить настоящую любовь...»

Светлана Шамонина.

«Я думаю, что мечты бывают личные и общественные. У меня есть мечта — после окончания школы поступить в институт и стать инженером-физиком. Но вместе с тем я, как и все люди на земле, мечтаю о том времени, когда, наконец, перестанут идти войны и над землей будет чистое голубое небо...»

Александр Петрунько.

«Часто от взрослых нам приходится слышать такие горькие слова, что молодежь нынешних времен совсем не такая, какая была четверть века назад, что она не способна ни на какие подвиги. Я согласна с тем, что молодежь сейчас не такая, что она увлекается танцами, о которых не знали наши деды и отцы, поет не те песни, читает не те стихи, но с тем, что наша молодежь не может совершить подвиг, с этим я не согласна. Совсем недавно мы потеряли одну из дочерей нашего народа, Надежду Курченко. А ведь ей было всего 19 лет, немногим старше нас...»

Таня Матвеева.

«Я хочу быть веселой, и чтобы вокруг меня все смеялись, я хочу быть полезной для общества, и чтобы все чувствовали мою необходимость...»

Надя Дубовицкая.

Я сижу на уроке математики в десятом «А», смотрю на авторов. Им по шестнадцать лет, всего только по шестнадцать. Счастливый возраст, который они, увы, недооценивают. Они торопятся, они боятся, что опоздают на Марс и не успеют построить свой Комсомольск, они мечтают о том, как станут хозяевами земли, на которой живут, лесов, окружающих их школу. Эта жажда жизни и самостоятельности прекрасна. Но когда, в каком классе, как и от кого перешла она к ним? Древние говорили: мастер, покажи мне своих учеников, и я скажу, кто ты. Ученики — вот они. Правда, они еще только выходят на свою дорогу, но в каждом из них уже созрел гражданин. Это от мастера, а точнее от многих мастеров — школьных учителей. Расскажу об одном из них, о Николае Иосифовиче Черепанове, заслуженном учителе республики, который ведет сейчас этот урок математики. Вернее, расскажет о себе он сам. Вот один памятный день из его дневника:

«21 декабря 1970 года. Двойной юбилей. И радостно и грустно. Прожито полвека, а из них 30 лет отдано учительству. Ровно тридцать лет. Зашел сегодня в класс, ребята меня поздравляют. Откуда только узнали! Не выдержал, расчувствовался и сделал лирическое отступление. Вспомнил, как учился сам, как мы, школьники, заготавливали в лесу дрова — время было нелегкое, как стал учителем там же, в Акутихе, где учился. Пришел в свой первый 10-й класс в середине года (заболел преподаватель), вошел и сказал: «Вот что, друзья, я пока знаю много меньше вашего учителя (студентом-заочником Томского политехнического тогда был), но так уж получилось, что я его должен заменить. Давайте заниматься вместе...»

Я вообще за честность и откровенность в отношениях с учениками. Главное, не потерять с ними контакта. Важно научить их мыслить самостоятельно, рассуждать, самим принимать решение — без шпаргалки и подсказки. Шпаргалку ненавижу. Она думать не дает, толкает человека к рабству. Мой нынешний десятый, кажется, это понимает...

Говорят, что я скуп на оценку. Скупой, значит, рыцарь. Но что же делать, если я просто не способен поставить ученику четверку, когда он знает только на тройку. Я уверен, что с ними надо быть добрым, но не добреньким, требовательным, но не педантом, надо быть справедливым. В прошлом году класс занял первое место в школе и выиграл туристическую путевку в Севастополь. Так я был больше всего рад не этому, а тому, что Генка Терновых получил за год тройку по математике. Я им прямо об этом и сказал. Генка огнем пылал от удовольствия. А началось с контрольной работы без учителя. Провожу иногда такие эксперименты. Пришел, посмотрел, спрашиваю вежливо: совещались? Молчат, но молчат нехорошо. Вижу — списывали, в глаза стараются не смотреть не то что мне — друг другу. Расстроился я, ушел. Уж не знаю, о чем они там говорили без меня, только приходят просить: дайте нам снова такую контрольную. Посмотрел им в глаза — нельзя не дать, и... пришлось поставить четыре двойки. Каждого учителя двойки огорчают, но эти тогда меня даже обрадовали: я твердо знал, что теперь-то ребята их исправят. В математике ведь много поэзии. Когда я доказываю царь-теорему — теорему о трех перпендикулярах,— у меня у самого руки немного дрожат. И когда я вижу, как эта скрытая поэзия доходит до учеников, я снова и снова

убеждаюсь, что учителем стал не напрасно...»

После звонка Николай Иосифович вышел из класса, и пальцы его, густо перепачканные мелом, мелко подрагивали. А урок был самый обычный... Таким я его и запомнил. Наверное, таким Черепанов был всегда и именно таким запомнился своим первым ученикам, давно повзрослевшим и тоже начавшим седеть. Через много лет они писали учителю: «Мы хотим быть такими же честными, справедливыми, преданными и талантливыми в своем деле, как вы. Желаем вам еще долгой и плодотворной работы на этом благородном поприще».

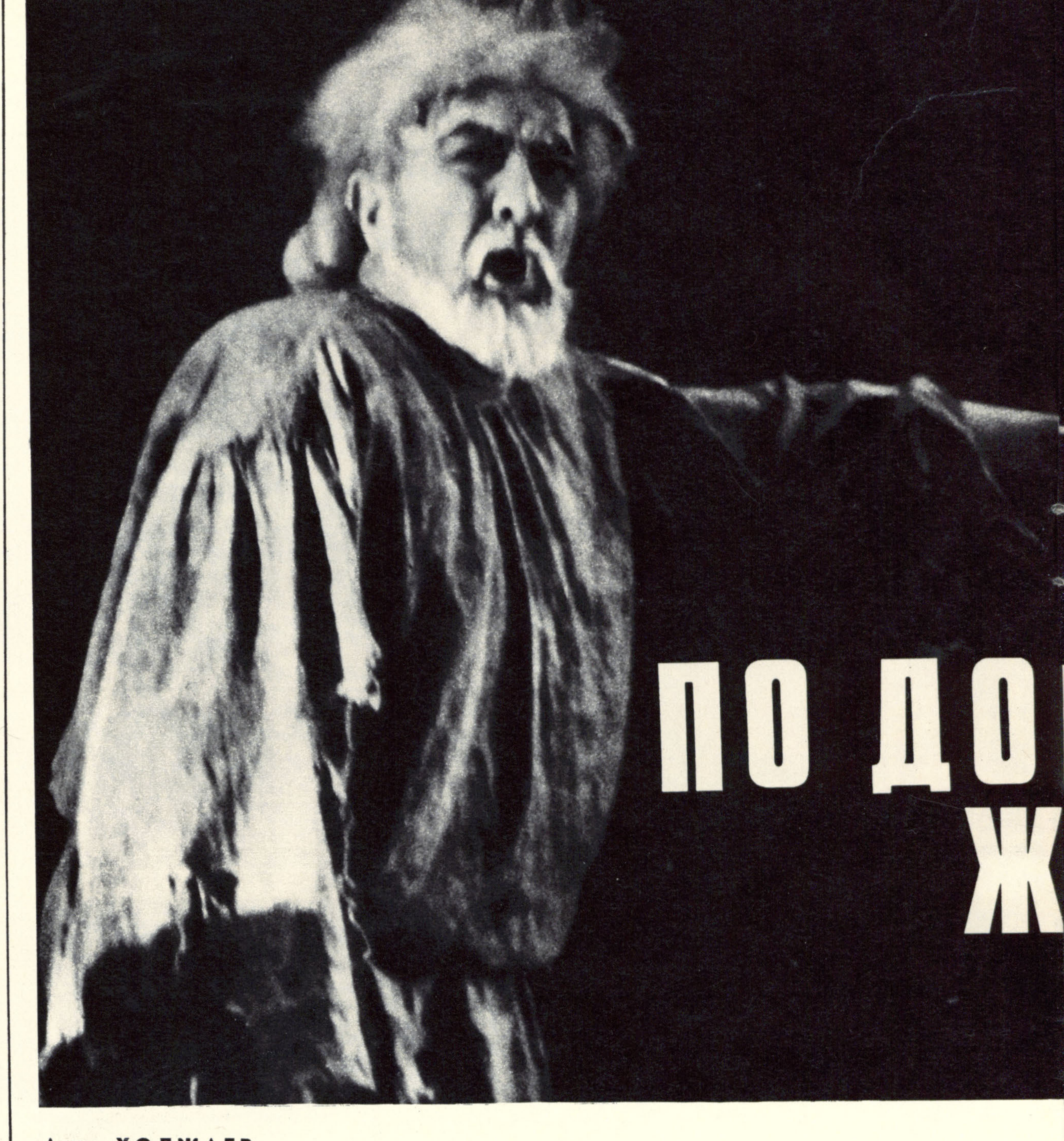
Мастер, покажи мне своих учеников, и я скажу, кто ты...

К трем часам пополудни сельская школа затихает. Прекращаются стуки молотков в школьной мастерской, выключаются магнитофоны с английской речью в лингафонном кабинете, домываются пробирки в химическом, завершается генеральная уборка в классах. Только директор школы Федор Павлович Симахин еще у себя. Ему нужно составить отчет о работе школьной производственной бригады да и о новом плане подумать — договориться со зверосовхозом, чтобы ученики поработали на кроличьей ферме, которая там вскоре откроется. Надо еще организовать подвоз угля — кончается, напоминает кочегар. Да мало ли еще каких неотложных дел у директора сельской школы, расположенной в глубине Алтая! Он так и останется здесь до самых сумерек, когда школа снова засветится огнями, загудит почти так же, как на большой перемене.

В «лягушатнике» — отделении первоклашек — ставятся два теннисных стола, и начинаются жаркие сражения. За одним столом старшеклассники, за другим ребята поменьше. В спортзале под руководством учителя физкультуры Василия Алексеевича Макарова разгораются баскетбольные страсти. И вообще получается, что большинство учителей снова в школе. Вон мелькнул Черепанов — пришел подтягивать отстающих по математике. Ирина Владимировна, его жена, готовит с ребятами химические чудеса к празднику. Приходят целыми учительскими семьями (особенность сельских школ) — Макаровы, Черепановы, Черноусовы, Шестаковы, Ястржембские... В актовом зале Светлана Васильевна Черноусова руководит репетицией «Золушки» — снова вечная борьба добра и зла, в которой победит, конечно, добро, любовь, дружба. А в соседнем классе Валентин Зиновьевич Черноусов ведет музыкальные занятия, рядом выступает квартет скрипачей, а там дальше — занятия хореографической студии (в Ленинграде заказали пуанты, сто пар,— не удержался, похвастал директор). Гудит вечерами сельская школа, а мне снова вспоминаются мечты шестнадцатилетних.

«Вот так живем мы, девчонки и мальчишки, учимся в школе, поем песни, стремимся в большую жизнь. Скоро мы переступим этот порог, за которым все придется решать самому...»

Да, скоро. Но вслед за ними сюда придут другие и будут тоже мечтать, и так же их проводит в жизнь эта школа, одна из тысяч обыкновенных сельских школ.

Алим ХОДЖАЕВ,
народный артист СССР

Когда на рассвете путник выходит из дома, он не оглядывается назад. Впереди длинная дорога. Часто неведомая. Все на ней будет: и палящий жар солнца, и тень развесистых карагачей, и встречи с интересными людьми... Но на закате, перед тем как устроиться на ночлег, путник оглянется назад и вспомнит начало дороги. Обязательно вспомнит... Так уж устроен человек, ничего не поделаешь...

Я прошел долгий счастливый путь. Настало время оглянуться.

Всякое бывало на моей дороге. Еще бы: это дорога длиною в жизнь. И на вершины взлетал и кубарем вниз катился...

Кто знает, быть может, и свернул бы с этой трудной, ухабистой тропинки на какую-нибудь гладкую, утоптанную, если бы один был, для одного себя шел... Но недаром у нас в народе говорят: «Одним гвоздем дома не построишь...» А мой дом — театр. Строить его в одиночку немыслимо.

Правда, самый первый гвоздь всегда вбивает одиночка. И всегда ему бывает трудно. Порой ох как трудно!..

Шел 1918 год. Тогда в Средней Азии стреляли, резали, били камнями всех, кто шел против баев, шейхов, ишанов. И все же Хамза Хаким-заде Ниязи, первый узбекский советский поэт, драматург, актер и музыкант, создавая театр, вбивая свой первый гвоздь, основал в Фергане передвижную драматическую труппу.

Хамза был не только просветителем. Страстный революционер, беспощадный враг басмачей, он рассматривал свою труппу как настоящий боевой отряд и добился включения молодого театрального коллектива в действующий состав Красной Армии. Артисты ходили в атаки, стреляли, рубились с басмачами. А в перерывах между боями выступали с концертами и показывали спектакли.

На Закаспийском фронте труппа Хамзы встретилась с другим полупрофессиональным коллективом, которым руководил Маннон Уйгур. Артисты решили объединиться и работать вместе. Так родился и встал на ноги Узбекский советский драматический театр.

М. Уйгур рассказывает о первых годах работы театра:

— Первые пьесы были бездейственны и многоречивы. Актеры старались перекричать друг друга и как можно больше бегать по сцене. Декораций почти не было. Костюмы занимали у зрителей. Суфлер играл главную роль в театре. В случае его болезни спектакли вообще отменялись! Актеры часто играли грубо натуралистически: по-настоящему дрались, до крови и синяков... Зрители нередко прерывали представление, требуя повторить понравившиеся им эпизоды. Любимым актерам тут же, на сцене, подносили подарки: дыни, муку, рис...

Мне посчастливилось видеть Хамзу живым. Было это за четыре года до его гибели в Бухаре. Перед началом спектакля ферганской труппы вышел на авансцену стройный, подвижной человек. Когда он заговорил, в зале наступила мертвая тишина. Он говорил о революции, об искусстве, о театре...

Вероятно, встреча эта и решила мою судьбу.

Еще во время учебы в Бухарском институте просвещения я начал участвовать в спектаклях сту-

Король Лир.

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

денческого драмкружка. Едва я закончил учебу, направили меня в Ташкент. И не учиться, а именно в театр. Работать актером.

Тогда же в театр пришли и мои талантливые ровесники: Шукур Бурханов, Наби Рахимов... Как все молодые актеры, начинали мы с малого — с массовок, эпизодических ролей. Но мы были рады всему. Была счастьем уже возможность входить в театр со служебного входа. Учились же мы буквально запоем. Домой не уходили сутками. И вскоре сработал закон диалектики: количественное наращивание сыгранных нами небольших ролей дало качественный скачок — мы стали играть главные роли.

Через всю мою жизнь проходят любимые образы, работать над которыми я начал еще в период моего творческого созревания: Гамлет, Хамза, Алишер Навои, Лир...

У каждого актера есть такие роли, с которыми он сжился. Расстаться с ними просто невозможно. Но чтобы в мои шестьдесят лет играть Гамлета, нужна не просто уверенность. Нужно, я бы сказал, немалое профессиональное нахальство... И, кажется, чего уж проще: откажись от этих ролей — вот и все! Но, оказывается, совершить это совсем не так просто...

Здесь возникает печальный парадокс. Внешние данные словно уже и не позволяют тебе выйти на сцену в роли юноши. Но всем своим душевным строем, всем умом и сердцем ты только сейчас понял до конца муки, надежды, страсти своих героев, их человеческую сложность. Как же тут быть?.. Как вырваться из такого заколдованного круга?..

Мне кажется, старая гвардия нашего театра, в которую входят народные артисты СССР Сара Ишантураева, Шукур Бурханов, Наби Рахимов, нашла наиболее верное решение этой мучительной проблемы. Мы по-прежнему много работаем, много играем, но при этом очень хорошо помним глубоко философское, мудрое четверостишие Рабиндраната Тагора. В его стихотворении идет спор Конца и Начала. Конец утверждает:

«Все кончается, это же ясно. Значит, Начало гордится собою напрасно».

«Ошибаешься, братец,— Начало ему отвечало.— Вслед за Концом неизменно приходит Начало».

И вот для того, чтобы Начало опять не начинало с нуля и не проходило через все муки и ошибки Конца, чтобы, расставшись с любимой ролью, не уносить с собою все то, что накопилось за долгие годы, мы решились на очень трудное для всякого актера: на подготовку собственной творческой смены.

Никто нас к этому не обязывал, никто об этом не просил. Просто мы вспомнили народную мудрость — все ту же самую чудесную пословицу, что одним гвоздем дом-то не построишь. Тем более не построишь театр. Значит, надо все время видеть, кто идет с тобой рядом и вслед за тобой, и поддерживать молодых, чтоб самому потом было на кого опереться.

Хорошо, что в театре это становится сегодня традицией. Например, Сара Ишантураева подготовила на коронную свою роль — Джамили в пьесе Хамзы «Бай и Батрак» — молодую актрису Р. Ибрагимову... Шукур Бурханов буквально всего себя вложил в талантливого Т. Азизова, когда работал с ним над одной из лучших ролей своего репертуара: батрака Юльчи в пьесе по роману Айбека «Священная кровь».

И я, перестав уже играть роль Гамлета, теперь неотступно думаю о том, чтобы поставить эту величайшую шекспировскую трагедию уже с молодым исполнителем — моим наследником. Кажется, мечта моя, думы мои о «Гамлете» реализуются. Пьеса включена в репертуарный план нашего театра.

Так решается у нас проблема отцов и детей. Правда, должен сразу оговориться, что речь идет о «детях», наиболее близких по душевному строю «отцам», одаренных и — я не боюсь этого слова — разумных.

Актеры — люди эмоциональные. Разум же их далеко не всегда находится на одном уровне с талантом. Видимо, поэтому среди определенной группы артистов, особенно молодых, идет порою много разговоров о «новом типе актера». И хотя никто толком не знает, что это такое, все сходятся в одном: актер нового типа обязательно должен быть актером интеллектуальным.

Казалось бы, чего лучше... Разве мы не стремились к этому всю свою жизнь?!. Но когда все эти закулисные дебаты переносятся на сцену и актеру нового типа предстоит доказать свою интеллектуальность на деле, она начинает выглядеть иногда довольно жалко. Таинственный шепот вместо членораздельной речи, обилие маловыразительных пауз, попытки изобразить думу на челе чисто внешними приемами и т. п.

Я глубоко убежден, что набор штампов подобного рода может свидетельствовать о чем угодно, только не об интеллектуальности.

Но бесспорно и другое: время актеров-декламаторов тоже давно прошло! Не место на сцене актеру, который не говорит, а велеречиво «изрекает» некие непререкаемые истины, всячески форсирует человеческие страсти.

Нынешнего зрителя не удовлетворяет ни то, ни другое. И это понятно. Люди стали думать и жить по-новому — свободно, раскованно, искренне.

Чтобы не отстать от времени, чтобы быть на уровне современного зрителя, актер должен активно **мыслить!** Я не случайно подчеркиваю это слово, так как действительно пришло время актера нового типа, мыслящего глубоко и аналитично, умеющего не только разбираться в главных проблемах своего времени, но помогать и зрителю в них разобраться.

Современный актер — это не только глаз, устремленный внутрь, но еще и глаз, смотрящий далеко вперед. Актер должен увидеть сам, а затем показать на сцене то, что вызвало бы у зрителя не только сопереживание, но и «соразмышление». Вызвало бы желание обдумать жизнь, и не только увиденную на сцене, но еще и свою личную. И еще шире — жизнь своего народа, который всегда нуждается в творческих, талантливых людях, умеющих строить, созидать новое.

Готовясь к большому событию в жизни страны — XXIV съезду КПСС, я именно так понимаю задачи театра, задачи актера нового типа. Театра и актера — **современника.**

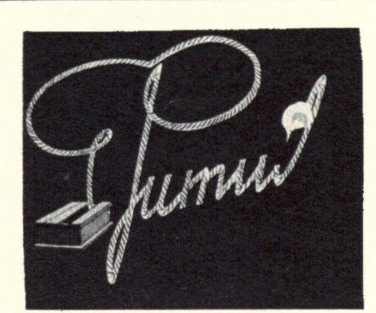
Разумеется, как бы ни был современен актер и как бы ни был интересен режиссер, театру нужна пьеса.

Узбекский государственный ордена Ленина Академический театр имени Хамзы взял на вооружение еще одну народную поговорку: «Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе». Иначе говоря, мы не ждем, когда драматурги придут в театр. Мы сами идем к ним. Во всяком случае, лучшие пьесы Уйгуна, Абдуллы Каххара, Иззата Султанова, Сарвара Азимова да и многих других наших авторов написаны в тесном содружестве с артистами и режиссерами театра. Мне кажется, это лишний раз подтверждает, что не только драматург оказывает влияние на жизнь театра. И театр направляет творческую деятельность драматурга.

Мы часто выступаем как первооткрыватели пьес и неузбекского происхождения. «Тополек мой в красной косынке...» Ч. Айтматова, «Украденная жизнь» Каору Моримото, «Монсерра» Э. Роблеса впервые увидели жизнь на нашей сцене — в театре имени Хамзы. Это примеры лишь недавнего времени. А вообще-то перечень переводных произведений в нашем репертуаре огромен.

Новые пьесы, новые режиссеры, новые актеры, новые художники... В этом жизнь! У молодых артистов вся дорога впереди. Но ведь и я не собираюсь свернуть с дороги жизни. Я тоже еще должен идти и идти! Орден Ленина, врученный мне за творческую деятельность, как нельзя больше к этому обязывает...

РАЗЯЩЕЕ ОРУЖИЕ НАСМЕШКИ

Трах! Бах!.. Взрыв грохает в то самое мгновение, когда пламя добирается до кончика бикфордова шнура, уложенного в завитки знакомого всем слова «Фитиль», и неутомимый Сергей Михалков со своими помощниками открывает с экрана кино очередной обстрел бюрократов и бракоделов, очковтирателей и бездельников — короче, прилипал большого корабля, народной жизни, захребетников всех мастей, чинов и рангов...

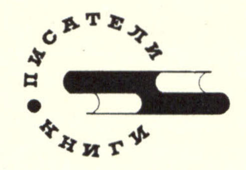
Вышел сотый «Фитиль».

Создавая свои короткие, но чрезвычайно выразительные, яркие новеллы по принципу максимальной доказательности в обличении зла, творческий коллектив «Фитиля» сложился как боевой отряд киносатириков, деятельно воюющих за народное добро и благополучие. Против кинообвинений «Фитиля» спорить немыслимо: они столь же безоговорочны, сколь и ядовиты...

Не стоит, наверное, уподобляться тому горе-персонажу из народной сказки, который доброжелательно восклицал вслед похоронной процессии: таскать, мол, вам, не перетаскать, возить, не перевозить... Кто его знает, может, и не стоит желать чудесному нашему «Фитилю» дожить до тысячного, скажем, номера...

Но, бесспорно, стоит «Фитилю» навсегда сохранить сухим порох для своего зарядного ящичка! Всегда хранить таким же острым и метким разящее оружие насмешки...

Н. ТОЛЧЕНОВА

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОДВИГА

Бор. ЛЕОНОВ

Советская Сибирь щедро одарила русскую литературу самобытными, под стать себе самой, крупными, сильными талантами. Целая плеяда романистов заявила о себе в 20—30-е годы эпическими полотнами, посвященными судьбам Сибири в ее органичной слитности с жизнью всей России. Их написали В. Шишков и Вс. Иванов, Л. Сейфуллина и А. Фадеев, К. Седых и Г. Марков, А. Коптелов и Е. Пермитин, А. Караваева и многие другие известные ныне союзному читателю писатели-сибиряки. В славном ряду этих талантов достойное место занимает и Сергей Венедиктович Сартаков, лауреат Государственной премии СССР в области литературы за 1970 год.

Этой премии он удостоен за трилогию «Барбинские повести», которая создавалась им в течение десяти лет. Первая повесть, «Горный ветер», была опубликована в 1957 году, вторая, «Не отдавай королеву»,— в 1960 году, а третья, «Медленный гавот» («Козья морда»),— в 1967 году.

Единство повестей обусловлено не только тем, что первые две написаны от лица героя — Кости Барбина, а третья «написана» им самим, но еще более сквозной общей идеей, которая связывает повести со всем ранее созданным С. Сартаковым. Это делает их составной частью его капитальной сибирской эпопеи, которую вот уже более тридцати лет создает писатель. Идея эта — утверждение в жизни красоты рабочего человека в его трудовых и ратных подвигах. Именно она сплавляет воедино повесть «Каменный фундамент», романы «Хребты Саянские», «Ледяной клад» и, наконец, «Философский камень», первая часть которого вышла в 1966 году, а вторая опубликована в сентябрьском и октябрьском номерах журнала «Октябрь» за 1970 год.

Когда читаешь повести «Горный ветер» или «Не отдавай королеву», невольно понимаешь, что появление их в творчестве С. Сартакова было закономерным по двум причинам.

Во-первых, потому, что тема молодого человека, вступающего в жизнь с мечтой о героическом, была близка ему. Еще в 1946 году писатель опубликовал повесть «По Чунским порогам», удостоенную премии конкурса на лучшую книгу для детей и юношества. В ней сам пафос юношеского отношения к жизни и жажда свершения чего-то необыкновенного роднят героя повести — старшеклассника Сережу с девятнадцатилетним матросом Костей Барбиным.

Во-вторых, появление «барбинского» цикла было вызвано и внутренней полемикой писателя-сибиряка с героями «исповедальной прозы» конца 50-х — начала 60-х годов, которые самоименовались подлинными героями современности. Весь же героизм их, как это ни парадоксально, состоял, если разобраться, в смене места жительства, да и то в большинстве случаев в смене временной: нужно было заработать необходимый для поступления в институт стаж. Во всяком случае, мысль о полемичности повестей С. Сартакова подтверждает сам герой уже в первых словах, обращенных к читателю: «Эту книгу я взялся писать не потому, что я писатель... В хороших книгах главный герой непременно откуда-нибудь приезжает и, как новая метла, сразу начинает чисто мести. В этой книге главный герой я, но я ниоткуда не приехал. Все девятнадцать лет своей жизни прожил на одном месте, если не считать, что все эти девятнадцать лет каждую навигацию я плаваю по реке. И мести мне, кроме палубы, пока нечего. А книгу написать хочется. И выходит, что придется писать мне ее так, словно без бакенов по незнакомой реке плыть. Ну да ничего — надо, так поплывешь...»

Повести С. Сартакова не только выдержали испытания временем, но и еще более умножили свою популярность, войдя в круг постоянно читаемых произведений. Секрет столь прочного успеха объясним прежде всего авторской удачей создания молодого героя-современника. Костя Барбин при всех своих сомнениях, колебаниях, ошибках ни разу не усомнился в своей принадлежности ко всему тому, что досталось ему в наследство от старших поколений. Он просто не мог помыслить себя вне того мира, который открылся ему, рабочему пареньку, уже с детства. Прапрадед его был плотогон, прадед — бурлак, дед — кочегар на пароходе, отец работал водоливом, а в годы войны погиб в бою за Родину...

Забота о семье легла на мальчишечьи плечи Кости, когда у матери отнялись ноги и она слегла в постель. И как же мог красноярский паренек не быть благодарным людям, если они, старшие и такие, как он, пришли к нему на помощь, поставили на ноги, дали ему специальность, место и дело в жизни.

И в том, что герой С. Сартакова, молодой рабочий, наш современник Костя Барбин осознает себя наследником славных традиций старших поколений, чувствуется подлинное осознание и творческое развитие С. Сартаковым рабочей темы в свете горьковских традиций. Барбин учится жить прежде всего у таких, как его отец, у фронтового поколения, которое раскрыло себя как героическое и в трудовой деятельности. Именно таков Алексей Худоногов — герой одноименной повести С. Сартакова. О своих подвигах на фронте он сообщал в немногословных письмах жене Катюше. Но сообщал как о рядовых, будничных эпизодах фронтовой жизни. Точно так относится он и к своим трудовым достижениям. Не осознавая того, что она совершает ежедневный подвиг, выполняла в тылу ответственные задания горздравотдела и медсестра Катюша Худоногова.

Спрашивается, откуда это в них? Где брали они такой запас духовной энергии и физических сил? Каким образом воспитали в себе высокое чувство обязательности за порученное дело? И окажется, что все это унаследовано рабочими людьми от своих отцов и матерей, от тех самых Порфирия и Лизы Коронотовых, Ивана и Груни Мезенцевых, которые в 1905 году вышли на открытый бой с царизмом. Это о них, русских рабочих, об их мужестве, героизме, подвиге рассказал С. Сартаков в своем романе «Хребты Саянские» (1936—1954).

Много ездил и ездит по стране Сергей Сартаков, встречается с людьми, открывает в них невидимые стороннему глазу кладовые человеческих характеров, мыслей, чувств. В них, в наших современниках, словно в зеркале, видна живая история страны. Ощущение истории особенно остро возникает в свете современности. Вот, думается, почему С. Сартаков, работая над «Барбинскими повестями», одновременно писал роман «Философский камень» — книгу раздумий о прожитом и пережитом.

История живет в деяниях народных, и вехами в ней являются события, в которых со всей силой проявляется жизнетворящий дух народа. И человек только тогда участвует в созидании истории, когда вносит свой вклад в этот общенародный подвиг. Вот что утверждает в своей книге раздумий писатель. Тем самым «Философский камень» органичен в своем продолжении магистральной идеи писателя о красоте подвига рабочего человека, в котором со всей обостренностью виден смысл его жизни, как виден он у главного героя романа Тимофея Бурмакина.

И совершенно естественно, что, обратившись к исторической теме, опытный мастер не мог не прийти к образу Владимира Ильича Ленина. Он создает цикл рассказов, посвященных разному периоду жизни и деятельности вождя революции, его соратникам и простым рабочим людям, самой историей включенным в великие свершения народа. Рассказы составили книгу «Первая встреча» (1967). В процессе же работы над рассказами, вероятно, возник замысел романа о соратнике В. И. Ленина по женевской эмиграции — И. Ф. Дубровинском (Иннокентии), работу над которым совсем недавно завершил С. Сартаков и готовит его к публикации.

Но беспокойная мысль писателя вновь и вновь возвращается к современности. Отсюда идет отсчет уже завтрашнего, будущего. И обязанность каждого человека — думать о будущем, приближать его своим трудом, передавать в делах своих героические традиции идущим на смену поколениям. И они обязательно продолжат подвиг отцов и потому прибавят многое к уже созданному в истории. И там, где писатель постиг подвиг соотечественника как частицу подвига общенародного, увидел в современнике черты, воспитанные социалистическим строем, его ждали и ждут открытия мира в свете человеческой красоты, а стало быть, и подлинно творческие удачи. Это доказывает своим творчеством и Сергей Сартаков.

КАЮРЫ ЦИКЛОНОВ

Ордена Ленина научно-исследовательский Гидрометцентр СССР — один из трех мировых метеорологических центров. Сюда, на Большевистскую улицу Красной Пресни, по радио, телеграфу, телетайпу из Арктики и с экватора, с Курил и с Кордильер и даже из космоса каждые сутки поступает около 40 тысяч сообщений о состоянии атмосферы.

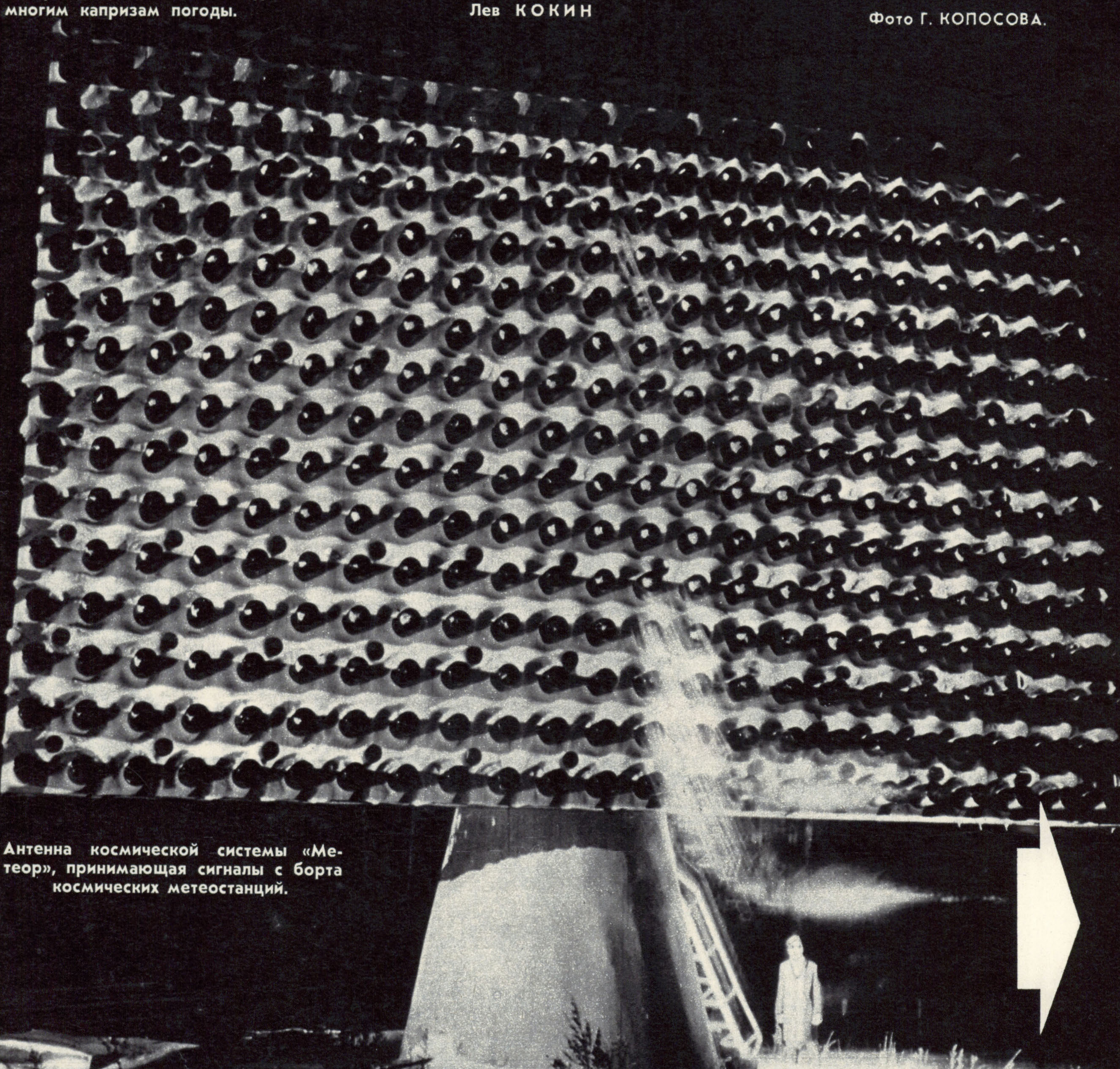
Научно-исследовательские суда и корабли погоды, свыше полутора тысяч судов советского морского и рыболовецкого флота проводят метеорологические наблюдения по курсу своего плавания.

В нашей стране запущена серия метеорологических спутников Земли. С февраля 1967 года планомерно действует созданная в Советском Союзе экспериментальная метеорологическая космическая система «Метеор».

Недавние морские экспедиции с участием ученых Гидрометцентра СССР, пробороздив тысячи миль Мирового океана — от Гренландии до Антарктиды,— нашли неожиданные объяснения многим капризам погоды.

Лев КОКИН

Фото Г. КОПОСОВА.

Антенна космической системы «Метеор», принимающая сигналы с борта космических метеостанций.

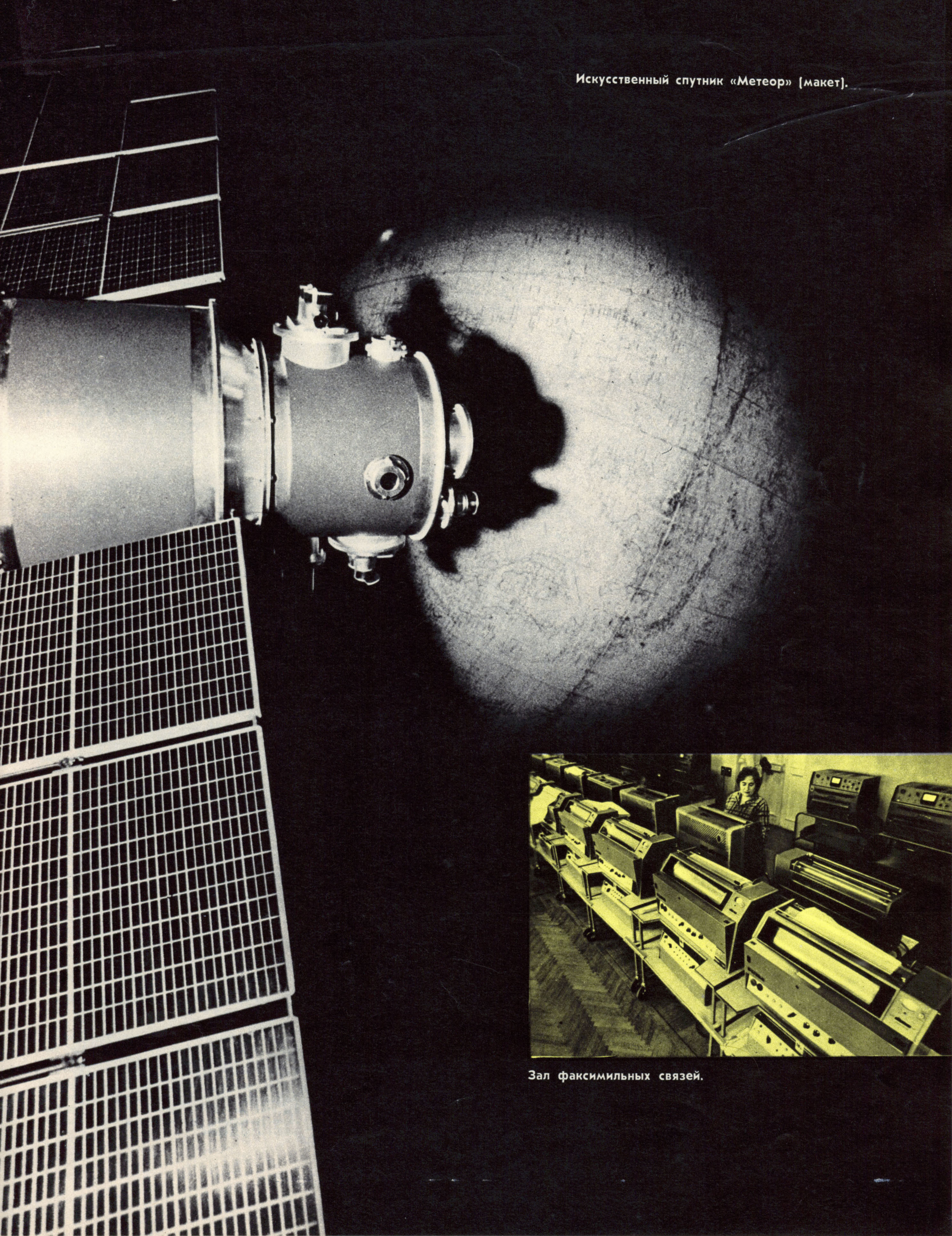
Ольга Егорова — старший техник отдела регистрации спутниковой информации.

Над столом у главного прогнозиста по Москве А. Д. Чистякова — «график роста». Без малого три десятка лет назад пришел Чистяков в Гидрометцентр (тогда Институт прогнозов), и с тех пор вся его жизнь связана с институтом: здесь он стал членом партии, защитил диссертацию. У него, говорят, нюх на циклоны: еще циклон не успел народиться, а он его уже выискал — как гриб из-под земли... График над столом Чистякова показывает, как росло число оправдавшихся прогнозов. Но не только одно это: в сущности, на графике видно, как растет мастерство прогнозистов.

До войны удавалось едва в шести случаях из десяти правильно предсказать завтрашнюю погоду в Москве. Теперь — почти в девяти случаях. В середине графика ползущая вверх кривая взрывается двумя скачками. Первый пришелся на конец сороковых — начало пятидесятых годов и обязан «высоте» — радиозондам, ракетам. Второй, в середине шестидесятых годов, знаменует вторжение вычислительных машин. Наметился и третий скачок — это спутники. Они подняли «потолок» метеорологии, но главное, расширили «кругозор».

На долю необжитых мест приходится четыре пятых нашей планеты, метеостанции же рассыпаны по ней неравномерно. В этих условиях спутник — вездесущая метеостанция — оказывается незаменимым.

И все же, как ни важна роль техники — но едва ли устарели слова великого физика о

Искусственный спутник «Метеор» (макет).

Зал факсимильных связей.

КАЮРЫ ЦИКЛОНОВ

том, что «из всех услуг, которые могут быть оказаны науке, введение новых идей является самой важной».

* * *

Синоптики Васюков и Бабкин сидят в комнате у окна — друг против друга, почти так же, как дюжину лет назад. Правда, тогда в комнате окон не было, а через стол дежурного метеоролога проходил Южный полярный круг и за стеной сползал с антарктического материка ледник, с грохотом обрывавшийся в океан айсбергами.

В Антарктику с Васюковым в одной каюте плыл эстонский писатель Юхан Смуул. В «Ледовой книге» есть такой разговор между ними:

«— Вот ты, Юрьевич,— говорит Васюков,— не любишь высшую математику. И в плохую погоду поносишь метеорологию. А ведь только в науке и есть настоящая поэзия. Знаешь, кто величайший поэт двадцатого века?

— Так сразу не скажешь.

— Альберт Эйнштейн...»

Если суждение Васюкова приложить к метеорологии, в числе ее лучших поэтов оказались бы математики Блинова и Кибель. Они никогда не были в Антарктиде и ни разу не пересекали экватор. Они в своей стихии за письменным столом. В рожденной под кончиком пера на бумаге стихии математических уравнений отражается жизнь природной стихии, и на экваторе, и у полюса, и здесь, где открывается вид на Красную Пресню, на ее дымы, ее дома, ее скверы.

Спросите метеоролога: отчего переменчива погода? Он ответит: непосредственная причина — движения воздуха. Но движений этих несчетное множество и разнообразие: от атмосферных вихрей—циклонов на тысячекилометровых пространствах до дуновений при взмахе платочком. Систему уравнений, которая бы все это вместила, решить немыслимо, скажет жрец «чистой» математики. И будет прав.

Три десятка лет назад советский ученый И. А. Кибель нашел другой путь. Применив методы гидродинамики — науки о движении жидкости — к задачам метеорологии, молодой тогда математик отважился опереться на, казалось бы, зыбкий фундамент — на целый ряд приближений, осреднений и огрублений. Но он сумел выделить главное из атмосферного «хаоса» — смело исключил мелкомасштабные процессы. Только это позволило ученому осилить задачу... осилить в принципе.

Чтобы осилить ее не в принципе, а на деле, надо было еще справиться с огромнейшим количеством вычислений. И справиться быстро: прогноз погоды на завтра даже завтра к вечеру уже ни к чему. Спасение пришло со стороны. Создатели первых электронных вычислительных машин с интересом стали практиковаться именно на метеорологических задачах. Интерес получился взаимный...

...В те годы, когда вычислительных машин еще не было, естественно было подумать о задачах, которые не требовали спешки. На вычисление долгосрочных прогнозов вроде бы имелось довольно времени. Зато вставали свои проблемы. Преодолев время, не мудрено было спасовать перед пространством... Екатерина Никитична Блинова, аспирантка Ильи Афанасьевича Кибеля, первой из математиков попыталась охватить связанные с погодой явления в масштабах планеты.

Она пришла к этим планетным масштабам дорогой не простой и не торной, начало которой — в кубанской станице. С малых лет помнила, как отец с матерью тревожно всматривались в небо: пошлет бог дождичка или нет?.. Не случайно пришла она к профессии, ставшей делом всей жизни. Но, настойчиво размышляя о явлениях масштабов планетных, не утратила и обычных человеческих мерок. Много лет член-корреспондент Академии наук СССР Блинова была в Моссовете посланцем Красной Пресни и главное в своей депутатской работе формулирует математически четко: помогала людям.

...Схема численного долгосрочного прогноза сложилась у Блиновой при тусклом свете коптилки в эвакуации, на Урале, в суровом 1943 году. Ее уравнения, подобно уравнениям Кибеля, опирались на многие допущения. И первые сочиненные по ним прогнозы оставляли желать много лучшего. Линейная теория описывала нелинейные процессы. Полтора десятка лет ушло на совершенствование «инструмента», пока численный прогноз по схеме Блиновой превратился в подспорье дежурному синоптику-прогнозисту.

Да, для синоптика численные прогнозы пока еще только подспорье. Но мало кто сомневается в их будущем. «Наука тогда лишь достигает совершенства, когда ей удается пользоваться математикой». Это заметил Маркс. В сущности, наука об атмосфере повторяет путь многих наук...

А Екатерине Никитичне Блиновой уже видится мост к одной из величайших научных проблем — искусственному изменению климата. Подступиться к этой проблеме она рассчитывает, предварительно поэкспериментировав на машинах с климатом далекого прошлого — эпох великих оледенений и потеплений... Овладев подобными математическими схемами, можно будет приступить к задачам будущего. Перегородить, скажем, мысленно плотиной Берингов пролив и предвычислить, как это отразится на климате Земли...

...В математическом зеркале атмосфера узнается с каждым годом вернее. Многие синоптики — «каюры циклонов» — приложили к этому руку. В первую очередь для того, чтобы добыть данные, необходимые для численных экспериментов, задумана гигантская совместная работа по проекту ПИГАП — Программы исследований глобальных атмосферных процессов, к которой готовятся метеорологи всего мира.

* * *

Земная атмосфера, эта, по известному выражению, «машина планеты», находится в непрестанном движении. Где ее «мотор», потребляющий энергию Солнца? Над экватором, подсказывает элементарная физика. Не отсюда ли раскручивается вся машина циркуляции атмосферы — приводные ремни пассатов, шестерни циклонов и антициклонов?

У ученых появились резоны задуматься над этим, особенно после того, как десяток лет назад были поколеблены представления об экваториальной атмосфере как о зоне постоянства, утомительного однообразия погоды. Оказалось, что в высоких слоях воздуха над экватором господствуют то западные, то восточные ветры — господствуют попеременно и сменяют друг друга в размеренном ритме, приблизительно через год. В числе первых заинтересовался этой надтропической «квазидвухлетней» (как бы двухлетней) цикличностью доктор географических наук А. Л. Кац.

В умеренных широтах давно подмечались двухлетние ритмы. Нельзя ли нащупать связь между отдаленными явлениями — вот какой идеей «заболел» исследователь.

Вскоре ему удалось обнаружить квазидвухлетний цикл и в стратосфере умеренных широт. Нащупанные связи позволили предложить новую схему глобальной циркуляции атмосферы, новый «чертеж» атмосферной машины. «Доводку» этого чертежа, проверку идеи, которая обещает важный успех советской метеорологической науке, вот уже в течение двух лет ведут на просторах Мирового океана экспедиции советских ученых.

...Красный овал солнца закатился за «край» океана, и на какой-то миг на том месте, где оно только что было, появился зеленый кружок — луч, наведенный на вас, точно глаз светофора... Есть морская примета: зеленый луч— знак удачи. Экспедиционный корабль «Академик Ширшов» повстречался с редким лучом в Атлантике в начале маршрута.

Экспедиционный корабль — институт на плаву. Но как ни хорошо оборудован он для занятий наукой, надо было в новой обстановке обвыкнуться, п р и к а ч а т ь с я. Это особенно ощутили в первой экспедиции, прошлогодней (тогда шли на «Профессоре Визе»): не успели выйти из Ленинграда, как застряли во льдах.

В Атлантике штормило. Двенадцать баллов— сильное испытание не для одних новичков. «Облака буквально цеплялись за антенны, мокрая палуба ускользала из-под ног»,— вспоминают участники рейса. Но в положенный срок с кормы исправно улетали радиозонды, а через каждые сто двадцать миль — на всем пути от Гренландии до Антарктиды — трос с приборами уходил за борт в глубину.

Много было неожиданного в том рейсе. И сплошной лед в Финском заливе, и двенадцать баллов в Северной Атлантике, и небывало холодная в ней вода, и, напротив, чересчур теплая вода в тропиках, и штиль в «ревущих сороковых».

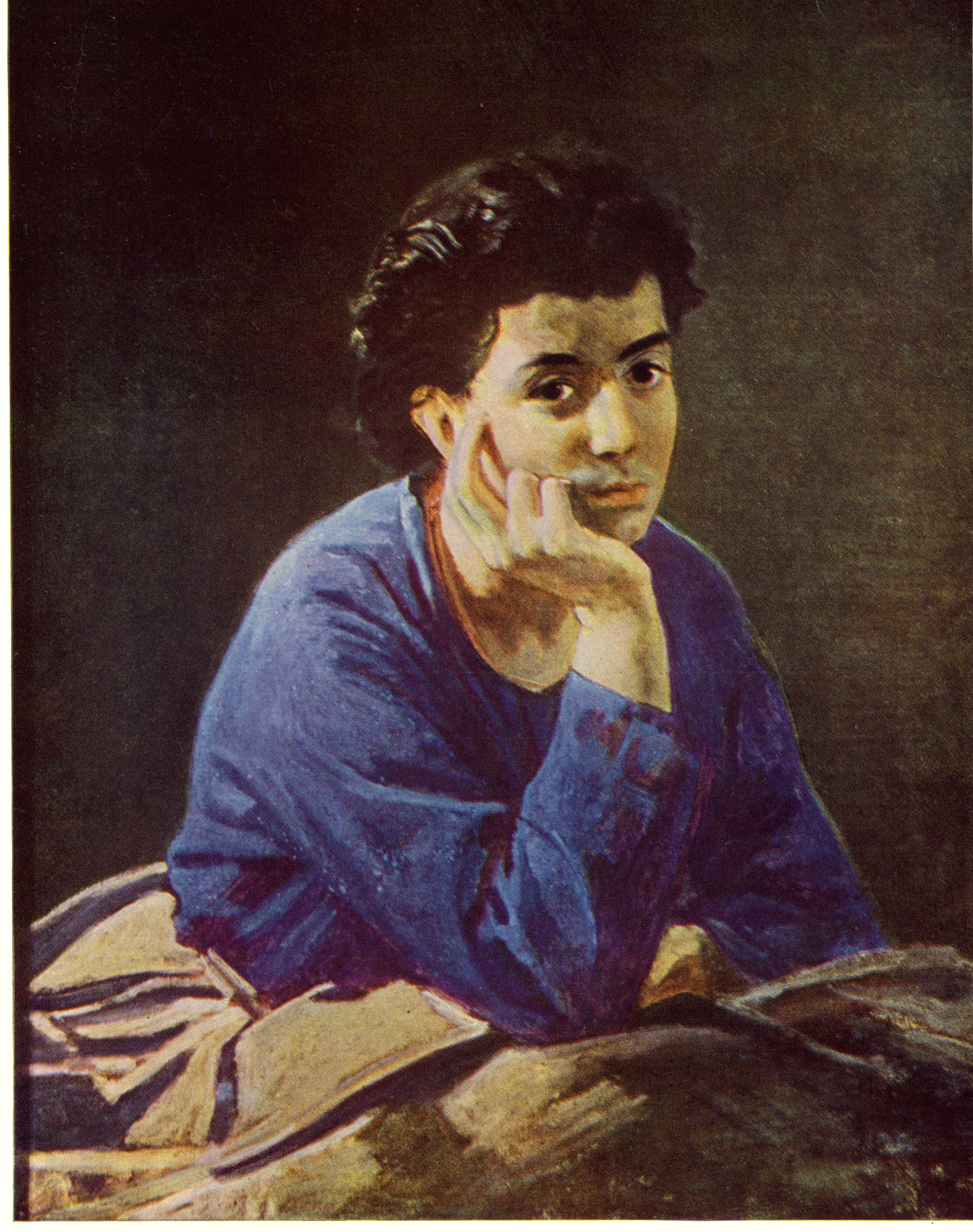
Впрочем, год 1969-й отличался «причудами» не только по пути экспедиции. Почти тридцатиградусные февральские морозы в Ташкенте и пыльные бури на юге Украины и на Кубани, июльские холода и снегопады в Бразилии, засуха в Вашингтоне.

В том году стратосферой над экватором владели западные ветры, вызывая в отличие от восточных усиленное движение воздуха в направлении меридианов. При этом ослабли пассатные ветры и «подгоняемые» ими теплые океанские течения. И вот результат: Северная Атлантика похолодала, сместив маршруты циклонов и антициклонов. Все это, в общем-то, укладывалось в «чертеж» атмосферной машины, составленный с учетом квазидвухлетнего цикла.

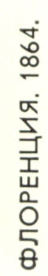
Через год надо было проверить «чертеж». Это сделали на «Академике Ширшове». Зеленый луч повстречался ему не зря: доброе предзнаменование оправдалось. Идея, над проверкой и уточнением которой работала экспедиция,— вот что оказалось для нее настоящим зеленым лучом.

...Как и ожидали ученые, прошлогодние причуды исчезли. Вне тропиков океан потеплел, а в тропиках стал холоднее. Природа возвратилась к обычной норме.

Уже составлены — на пробу — первые сверхдолгосрочные прогнозы по новому «чертежу». На стол дежурного прогнозиста они, правда, пока не попали. Нужны еще долгие исследования и проверки...

Н. Ге. ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОЙ. 1868. Государственная Третьяковская галерея.

ФЛОРЕНЦИЯ. 1864.

Киевский государственный музей русского искусства.

Н. Ге. ДВОРИК В ОКРЕСТНОСТЯХ НЕАПОЛЯ. 1858.

Частное собрание.

СЕРЬЕЗНОЕ УВЛЕЧЕНИЕ

Недавно вышла в свет новая книга Андрея Блинова «Две жердочки через реку», объединяющая в себе повести («Андриана», «В лесу, на узкой тропе») и цикл рассказов.

О ком бы ни писал Андрей Блинов, главное для него — это отношение человека к труду, к коллективу, к людям.

Читатель сохранит в памяти образ милой, задушевной, поэтически настроенной и любознательной Андрианы Локтевой из повести «Андриана», открывающей сборник. С волнением мы следим за развитием и раскрытием характера, духовного мира этой одаренной, влюбленной в свой труд, в людей, в родной город девушки-шофера. Ее увлеченность трудом, поэтизация его, ее стремление понять и объяснить окружающим мир — эти качества находятся в развитии, в становлении. Ее глубокие чувства, готовность к самопожертвованию, сильная воля и умение сдержать свои порывы свидетельствуют о зрелости ее благородного характера.

С интересом следишь и за судьбой восемнадцатилетнего юноши Михаила Прибегина, героя повести «В лесу, на узкой тропе». Этот парень из деревни попадает в среду лесорубов. Впервые столкнувшись с незнакомой ему жизнью, с незнакомыми людьми, оказавшись в весьма пестром по своему составу коллективе, немного диковатый, растерянный, взъерошенный и недоверчивый, он не сразу верно определяет, «что такое хорошо и что такое плохо». И лишь после того, как ему пришлось пережить неудачную любовь, обман, незаслуженные обиды, он понял и оценил настоящую дружбу, товарищество, увидел честных и хороших людей, поверил им, пошел за ними. Тема формирования характера, сознания, духовного мира молодого человека в труде, в рабочем коллективе, тема созревания общественной личности, к которой и в прежних своих произведениях обращался писатель, по-новому, с любовью и серьезным увлечением раскрывается автором в этой повести.

Каждый из рассказов, собранных в книге, каждая повесть Андрея Блинова отличаются страстным отношением писателя к изображаемому, утверждением всего высокого, благородного и доброго и отрицанием того, что чуждо нашему обществу.

Юрий ПУХОВ

А. Блинов. Две жердочки через реку. Издательство «Московский рабочий», 1970.

ЗРЕЛОСТЬ

«Зрелость» — так когда-то Гарольд Регистан назвал одну из своих поэтических книг. Но, пожалуй, еще больше это название подходит для его новой книги. Зрелость, цельность, наступательная гражданственность, прошедшая через сердце поэта,— вот качества, которые определяют этот тонкий, но емкий сборник.

«Пишу — как будто бы дышу»,— признается Гарольд Регистан. Точнее не скажешь. Простота и музыкальность его лучших песен присущи почти всем стихам и поэмам этой книги, названной по-народному крылато: «Стать березой». И любовь к России, и светлая грусть, свойственная зрелым раздумьям, и непоказное мужество стоят за этим названием, которое автор дал поэме, вошедшей в сборник. Она, пожалуй, самая большая удача поэта. Это сплав лирики и публицистики, это честный разговор о месте человека в жизни, о том, что он оставляет людям на земле.

Лирические стихи, вошедшие в эту книгу, органично дополняют поэму «Стать березой». Это душевные строки о русской природе, о любви, о борьбе, о поэзии, о приветливой земле братьев-славян. Подкупающая искренность — вот что отличает лучшие стихи этой книги. Поэт не таит своих сомнений, колебаний, раздумий, жизненных тревог.

Я прошел
Весенний путь и летний.
Воевал, любил, сажал сады...
Молодой, седой, сорокалетний,
Не пора ли
Собирать плоды?!

За плечами лирического героя этой книги — памятные нелегкие годы военных испытаний. Они накладывают свой отпечаток на всю книгу, являющуюся своеобразной исповедью солдата. Еще больше такое определение относится к поэме «Продолженье мое», посвященной сыну.

В трудную для себя минуту лирический герой, не таясь, рассказывает сыну о себе и о своем суровом времени. Он отнюдь не приуменьшает драматизма своего положения после разрыва с любимой.

Закурю-ка папиросу.
Пуст мой дом.
В нем только тени.
Тени счастья.
Тени смеха.
Тени, горькие как травы...

Но ведь я —
Не для успеха.
Но ведь я —
Не ради славы.
Я не мог, сынок, иначе.
Есть такое слово:
Надо!

Да, есть такое солдатское слово: «Надо!». Оно помогло «над цветущей теплой рожью посреди родной России» выстоять двенадцати нашим солдатам с двумя маленькими противотанковыми пушками. Они все, кроме лирического героя, погибли, но не пропустили фашистские танки. Особенно впечатляет сцена их поединка с вражескими чудовищами. Автор лаконичными, но яркими мазками рисует портреты своих бесстрашных друзей, называет их имена и фамилии, что придает удивительную достоверность его волнующему повествованию. Естественно, что человек, прошедший сквозь огонь, предъявляет высокие требования к любви и дружбе и в наши дни, живет по большому счету, его не может удовлетворить «небольшого росточка любовь».

Книга «Стать березой», сгусток чувств и раздумий вчерашнего солдата, по-настоящему волнует. Ее хочется читать и перечитывать.

Владимир ФЕДОРОВ

Гарольд Регистан. Стать березой. Стихи и поэмы. Издательство «Советский писатель», 1970.

ВЕРНОСТЬ ВОИНСКОМУ ДОЛГУ

Писатель Николай Камбулов, прошедший в Вооруженных Силах путь от солдата до полковника и участвовавший в Великой Отечественной войне от самого ее начала до полного завершения, хорошо знает и любит своих героев — солдат и офицеров. Эта любовь ощущается как в первых, так и особенно в последних его книгах, вышедших в минувшем году,— «Таврида в огне» и «Верность».

Роман «Таврида в огне» посвящен битве наших войск за Крым во время Великой Отечественной войны. Картины ожесточенных боев на южном крыле советско-германского фронта писатель воссоздает в тесной связи с общей военно-политической обстановкой тех грозных лет.

Созданный спустя много лет после окончания «величайшей битвы человечества», роман отличается свежестью воспоминаний и большой достоверностью. Но не только это составляет достоинство «Тавриды в огне». Сила произведения — в правде характеров, в верности наблюдений писателя над духовным, нравственным обликом советского человека.

В этом произведении даны волнующие картины народной жизни в военное лихолетье. Автор пишет не об услышанном и увиденном, а о пережитом лично, о том, что прошло через его душу и сердце.

Николай Камбулов воспроизводит сложный и противоречивый мир войны во всей его широте и многообразии: передний край и тыл, штаб батальона и командный пункт фронта, фашистские орды и ставка фюрера. Автору удается сочетать эпическое изображение грандиозных событий с углубленным анализом характеров героев. Все сцены — и эпические и камерные — насыщены живой мыслью, настойчивой и убежденной, как сама военная правда.

Фронтовая и тыловая жизнь предстает в книге во множестве своих проявлений. Человеческие характеры раскрываются автором в многообразных обстоятельствах — больших и малых, существенных и случайных. И от этого книга «Таврида в огне» становится многозвучной и многоцветной, задевает струны читательского сердца.

Героические традиции Великой Отечественной войны — не только история. Это и незримое грозное оружие. Молодежь стремится походить на своих отцов, учится у них отваге и мужеству. Об этом повествует Николай Камбулов в романе-дилогии «Верность».

Первая книга дилогии, «Разводящий еще не пришел», за которую писатель был удостоен в 1968 году премии Министерства обороны СССР, хорошо известна читателям. Вторая книга, «Ракетный гром», продолжающая первую,— о сегодняшних днях Советской Армии и всей страны. Она охватывает годы технического перевооружения наших Вооруженных Сил, время, полное напряженного труда ракетчиков по обеспечению постоянной высокой боевой готовности.

Ее герои — солдаты Павел Волошин и Виктор Гросулов, ефрейтор Константин Цыганок, сержант Добрыйдень, офицеры Узлов и Шахов — люди, которым послушна сложнейшая ракетная техника. Они ежеминутно готовы к подвигу во имя мира и справедливости на земле.

Молодых ракетчиков учат и воспитывают опытные старшие офицеры и генералы, прошедшие по горячим дорогам большой войны. Есть среди них и участники битвы за Тавриду. Два поколения советских воинов... Многое их роднит и связывает.

Конфликт «отцов и детей»? Нет и следа его в этой дружной, боевой семье. Ракетчики привлекают нас душевной красотой, широким взглядом на жизнь, заботой о судьбе не только родной земли, но и всей планеты, непримиримостью ко всякому злу и активным желанием приносить пользу другим. Молодые, горячие, порывистые воины, показывающие «свой нрав» перед старшими, прекрасно понимают, что они кровь от их крови, их наследники и преемники, их надежда и гордость.

Читая об этих людях, которые «прописаны в армии» и любят ее самозабвенно, неистово, «любят до слез», еще и еще раз думаешь: именно такие они и есть, современные офицеры и солдаты — созидатели, мечтатели, творцы. И понимаешь: именно на них держится и армия и вся земля наша.

М. ЛАПШИН

Николай Камбулов. Таврида в огне. Роман. Издательство «Московский рабочий», 1970. Верность. Роман-дилогия. Воениздат, 1970.

СИОНИСТСКИЙ

А. ГОЛИКОВ,
Н. СОРИН

На конверте пухлого письма адрес: Ташкент, Пушкинская улица, 39, Усишкиной. Вручить его адресату не удалось: Усишкина никогда не проживала на Пушкинской улице в доме 39. По почтовым правилам заместитель начальника Ташкентского почтамта А. Н. Кальченко в присутствии заместителя начальника отдела сортировки Т. С. Задориной и бригадира К. Т. Зиновьевой вскрыл письмо, надеясь в тексте найти адрес отправителя. Адреса не оказалось. В конверте лежала антисоветская, сионистская литература.

Перелистываем эти тоненькие брошюрки небольшого формата, что поместились в обычном почтовом конверте. Состряпаны они за рубежом, нелегально заброшены в СССР, но их авторы нагло присваивают себе право говорить от имени советских граждан еврейского происхождения, заявлять об их пламенном желании ехать «домой» — в «Эрэц Исраэль, на родину предков».

Известно, что международные сионистские круги и правящая израильская верхушка уже продолжительное время ведут пропагандистскую кампанию «в поддержку» советских евреев, якобы желающих выехать в Израиль. Они пытаются тем самым отвлечь внимание международной общественности от злодеяний, которые творят на оккупированных арабских землях израильские захватчики. И брошюры, рассылаемые по почте сионистами, служат той же цели.

«Наше периодическое издание,— говорится в одной такой брошюре,— будет рупором этого стремления к репатриации. Задача его в том, чтобы рассеивать сомнения, рационально обосновать то, к чему большинство из нас пришло путем здоровой интуиции». Издание это так и называется — «Домой!». В нем — призыв к борьбе за поголовный переезд всех советских граждан еврейского происхождения в Израиль, где их ждет якобы райская жизнь на «земле обетованной».

А дальше сионисты требуют действия: «...Необходимо от имени советских евреев поднять голос протеста во всем мире, в каждом его уголке... Кричите во весь голос, на всех форумах. Хватайте за полы президента Никсона, тащите в бой премьера Вильсона, подстрекайте папу римского, возмущайте лидеров молодых африканских государств, соблазняйте японцев, малайцев, чилийцев, призовите на помощь всех, кто хочет и не хочет. Везде, где появится советский представитель, пусть будет он встречен градом протестов и толпой демонстрантов. Война должна вестись всеми средствами».

А средства эти уже хорошо известны всему миру. Хулиганские выходки на концертах советских артистов, гастролирующих в США; задержка вылета самолета Аэрофлота из Нью-Йорка — бородатый тип приковал себя цепью к колесу шасси; взрыв бомбы у здания Аэрофлота и «Интуриста» в Нью-Йорке; взрыв бомбы у здания информационного и торгового отделов посольства СССР в Вашингтоне. Все это «подвиги» «лиги защиты евреев», одной из террористических организаций, созданных при покровительстве американских властей сионистами.

Террор и насилие всегда были в арсенале сионизма. Террор и насилие взяты на вооружение и правящими сионистскими кругами Израиля. В брошюре есть такие фотографии: израильские автоматчики маршируют по арабской земле; звено «фантомов» в боевом полете... Под фотоснимками — хвастливые слова израильских агрессоров, пытающихся узаконить разбойничий захват чужой территории. «Границы страны изменились неузнаваемо,— говорится в брошюре.— Теперь это естественные рубежи — река Иордан, Мертвое море, Суэцкий канал». И даже угроза: «...густо населенные промышленные центры Египта в пределах досягаемости израильской артиллерии... Столицы Сирии и Иордании находятся всего в нескольких десятках километров от позиций армии обороны Израиля». И опять призыв к евреям, проживающим в Советском Союзе: «Эрэц Исраэль нуждается в вас, в миллионах еврейских сыновей и дочерей».

Приглашение стать пушечным мясом обильно сдобрено лестью, игрой на национальных чувствах: «Мы — нечто большее, чем народ, чем религия и цивилизация. Еврей в своем сознании националист».

Пропаганда национализма и шовинизма в Израиле возведена в ранг государственной внутренней и внешней политики. Израильтянину буквально с пеленок внушают сознание его национальной исключительности, принадлежности к «избранному богом народу», прививают ненависть и презрение к другим национальностям. Такой оголтелый национализм в свое время привел Германию к фашизму. А сейчас мировой сионизм и его организации превращаются в прямое оружие империализма.

Письмо в Ташкент, на Пушкинскую улицу, 39, было послано по неверному адресу. Но обычно письма с таким же содержанием попадают по назначению к советским гражданам еврейской национальности. Откуда же сионисты узнают нужные им адреса? Перед нами небольшая книжка в розовом переплете, изданная в Париже. Это своеобразный справочник. В справочнике — адреса и фамилии советских граждан еврейского происхождения: ученых, крупных специалистов в разных областях техники, работников искусства, литературы, журналистики, спорта... Эти сведения в течение нескольких лет — до разрыва дипломатических отношений между Советским Союзом и Израилем — собирали сотрудники израильского посольства.

Сведения о советских людях еврейской национальности сионисты собирают и сейчас. Делается это и на «земле обетованной». Израильтяне, имеющие родственников или знакомых в СССР, обязаны сообщить их адреса агентам «Сохнута» — организации, специально занимающейся вопросами эмиграции евреев в Израиль. Кроме того, под видом туристов, а также в составе научных или культурных делегаций Советский Союз посещают сионистские эмиссары не только с паспортами Израиля, но и США, Англии, ФРГ и других стран. Они тоже выполняют эту неприглядную работу.

Получив по почте сионистские «поделки», советские граждане категорически отвергают их, возмущенные до глубины души, они обращаются с протестами в редакции газет, журналов, дают отповедь сионистским провокаторам.

Порой коварная пропаганда достигает цели. А тут еще из Израиля приходит вызов — документ многообещающий. В нем гражданин Израиля приглашает к себе на постоянное жительство родственников из Советского Союза. Умоляет советские власти дать им разрешение на выезд из СССР в Израиль. Он с радостью берет на себя все обязательства, связанные с этим вызовом, обещает родственникам взять их на полное иждивение, предоставить им хорошие жилищные условия — одним словом, сулит райскую жизнь.

И вот человек, соблазненный такими обещаниями, идет в ОВИР (отдел виз и регистрации), берет анкету, оформляет соответствующие документы и собирается в дальнюю дорогу к родственникам в надежде, что у них только и будет заботы, как лучше устроить ему легкую, красивую жизнь. Выйдет он из самолета на аэродроме «Луд», что расположен недалеко от Тель-Авива, встретит родственников. А потом... Потом полетят на покинутую Родину, в СССР письма.

Вот они, эти письма. Их сотни, похожих на сигналы бедствия в океане: «Спасите наши души»,— помогите вернуться на Родину! Адресованы они и Советскому правительству, и родственникам, и знакомым, и прежним соседям по квартире.

На конверте — обратный адрес: Израиль, Бер Шева Шикун Далед 942/4. Это Вольф Штерн пишет своей матери в Молдавию, в Чадыр-Лунгский район, в поселок Шоклия, дом 57/3 по Комсомольской улице. Письмо от 6 июля 1969 года: «Моя дорогая мама. Ждем от вас хорошего известия, чтобы мы могли повидаться. Почему вы нам не отвечаете? Вы что-нибудь начали делать? Чтобы не было поздно. Предпринимайте все возможное, чтобы мы могли воротиться. Я подметал улицы, но теперь мне отказали в работе. Мы должны пропасть. Сильва и Герта плачут днем и ночью. Они хотят к вам. Были ли вы в ОВИРе в каб. № 12? «Спасите нас!» [1].

В Тель-Авиве, на улице Драм Цагала, дом 70/78, живет Лея Брам. 27 ноября 1966 года ее из села Косино, Мукачевского района, Закарпатской области, провожала в далекий путь Мария Железняк. Провожала как родную, которую приютила, не дала погибнуть.

Трудно сложилась жизнь Леи Брам. Ее муж и пятеро детей были уничтожены в гитлеровских лагерях смерти. Только благодаря стремительному наступлению Советской Армии Лея осталась жива. Мария Железняк взяла несчастную женщину в свою семью. Жили они дружно. И вот в 1966 году родственники Леи стали настойчиво уговаривать ее приехать к ним в Израиль. Сестра Хана

[1] Это, как и другие письма, публикуется без всякой стилистической правки.

писала Лее Брам, что очень тоскует, что не может жить без нее. Настойчивые уговоры, призывы к родственным чувствам возымели свое действие. Больная пожилая женщина поехала жить в Израиль к своим родным. А вскоре, как обычно, на Родину полетел все тот же сигнал бедствия — помогите вернуться в СССР.

Лея Брам писала, что она совершила большую ошибку, выехав из Советского Союза, и горько сожалеет об этом. «Здесь людей,— писала она,— не интересует судьба другого человека. В погоне за деньгами все готовы перегрызть друг другу глотки. Сестра уже через два дня стала гнать меня на непосильную работу, сказала, что не собирается никого держать на своей шее, укоряла каждым куском хлеба». А дальше — крик души: «Лучше бы я сгорела со своими детьми в концлагере, чем узнать такую жизнь. Никогда я не думала, что свои старческие годы мне придется прожить в такой беде, страхе. А это сделали все мои дорогие родственники. Пусть бог им заплатит за это».

Пишет Лея Брам и о других людях, которые в поисках призрачного счастья приехали на «землю обетованную»: «К нам приехала из Мукачева семья Шпильман. Они тоже очень жалеют, что приехали в Израиль, что покинули родную землю; где человек прожил свою молодость, там он и должен умереть. У одного из приехавших в пути умерла жена. Приходил вчера ко мне Фельдман из Мукачева. Он тоже жалеет, зачем приехал и оставил все добро дома. Правда, ему проще, так как сестра из США помогает ему деньгами. А многие прибывшие в Израиль из Черновиц, Риги и других городов, люди, которые работали учителями, руководителями предприятий и на других должностях, здесь вынуждены соглашаться на любую грязную работу, вплоть до чистки отхожих мест».

И еще одно письмо. Оно адресовано Гершу Срулевичу Сандлеру, живущему в Черновцах. Обратный адрес на конверте: Израиль (Кириат Хаим, Рехов Бен Цви 70/24). Подпись — Карл Абрамович.

«Здравствуйте, дорогая семья Сандлер! Наш сын Гриша еще учит язык. Поступить учиться здесь очень трудно. Нужно иметь еще большой блат. Очень обидно и больно — столько студентов им не надо, у них своих хватает. Гриша здесь нужен для армии. Здесь все живут только для себя. Такая система. А работы хватает только на шесть месяцев в году. Долго не держат на одном месте. Чтобы не заработать стаж. Так что вам, думаю, без слов понятна наша «блестящая» жизнь. Все, что обещали, все вранье! Родственники тоже к нам не приходят, денег у нас уже нет. Устроиться на подходящую работу без языка иврита невозможно. Жену приглашают только мыть полы и стирать белье. А здоровье у жены неважное — прихварывает. А скорой помощи нет, и врач не приходит на дом, так надо идти в таком состоянии в Купат холим (поликлинику). Дорогие мои, так я за вами скучаю. Но обратно меня никто не пустит. Жалко только сына, что он пострадал. Если бы имели крылья, полетели бы домой».

Люди, которые родились и выросли в Советском Союзе, покинув свою Родину, все же надеются, что их простят. Надеются вернуться в отчий дом. Вот заявление Иойновича С. Л., проживающего в городе Хайфе:

«Обращаюсь к Вам с весьма жизненной просьбой. Я и моя жена в феврале 1967 года уехали в Израиль. Мы, конечно, совершили большую ошибку тем, что уехали из СССР. Просто мы не знали, что мы сделали. Я и жена моя родились в Советском Союзе. Там мы кончили школу, там мы работали и жили наравне со всеми людьми. По приезде в Израиль мы долгое время не могли найти работы. Уже полтора года мы не имеем постоянной работы. Все время мы скитаемся, то получаем работу, то ее нет. Мы хотим жить, как все люди. Мы знаем теперь и ценим, как в Советском Союзе относятся к людям, которые хотят работать. Здесь, в Израиле, не смотрят на рабочего человека и рабочий не имеет никакого права на работу. Очень просим Вас простить нашу ошибку в том, что мы уехали в Израиль. Мы очень хотим вернуться в Советский Союз, к себе на Родину. Просим вас подойти гуманно к нашей просьбе и разрешить вернуться».

И еще одно заявление: «Я, Зильберман Израиль Беркович, приехавший по выездной визе № 157314 в Израиль шесть месяцев назад, совершил тем самым громаднейшую ошибку. Приехав в Израиль, мы сразу поняли, что жизнь наша здесь не сложится. Мы как бы попали в пустыню, где нет никакого приюта для человека. Мы поняли, что мы здесь чужие и ненужные в сей среде. Здесь везде главную роль играет бизнес, бизнес, главное — деньги, а человек потом.

Мы, рожденные и воспитанные при Советской власти, чувствуем, что никогда не войдем в жизнь капитала, мы должны вернуться на Родину, иначе жизнь наша превратится в сплошную пытку, в прозябание».

Заявление заканчивается криком отчаяния: «Люди! Поймите нас, дайте вырваться из ада сего, неужели жизнь должна быть погублена. Я умоляю, я прошу помочь нам выехать из этой чужой и пустой для нас страны. Помочь вновь вернуться к жизни в родном нам Советском Союзе. Приехав на Родину, мы своим трудом, всем тем, что мы можем, будем стремиться искупить наш тяжелый грех».

Люди, приехавшие из Советского Союза в Израиль на постоянное жительство, в конечном счете понимают свою ошибку. Одним для этого потребовались годы, другим — месяцы и даже дни, как, например, Якову Давидовичу Кабанову, уроженцу города Одессы.

«Просим Вашего разрешения вернуться на свою Родину в Советский Союз,— пишет он.— Мы согласны поехать жить в любой край Советского Союза и построить своими руками сарай, в котором будем жить, и это нам будет приятно. Это будет наука остальным, кто хочет совершить такое преступление, как мы совершили.

За 4—5 дней мы увидели здесь, что каждый должен жить на своей Родине. Израильцы привыкли к своей жизни, а мы, советские люди, привыкли к своей жизни.

Они не понимали наш язык, а мы их язык. Мы подумали, нашему сыну еще нет 14 лет. Как он будет учиться? Мы, взрослые, допустили ошибку, а теперь судьба нашего сына, а он также ваш советский сын, вся его судьба находится в ваших руках. Просим учесть, что гражданство мы не приняли и квартиру и паспорта не взяли и не возьмем, а у сестры нам несладко. Поэтому еще раз просим не отказать в нашей просьбе и дать разрешение на въезд. Чем быстрее, тем лучше.

Семья Кабановых».

Таких и подобных заявлений-просьб очень много.

Совсем недавно уехали в Израиль супруги Слепяны и Сыркины. Слепяны жили в Москве, Сыркины — в Ленинграде. В заявлениях с просьбой разрешить им выезд в Израиль они писали, что на «земле предков» обретут радость и счастье.

Прошло несколько месяцев, и «земля предков» потеряла для них всякую привлекательность. Они уже сожалели, что клеветали на Советский Союз, что покинули Родину. Сыркин с гневом говорил про своих хозяев, еврейских капиталистов: «Сионистские свиньи — обманщики».

Понимая, что в Советский Союз для них дорога закрыта, Слепяны и Сыркины ищут путей уехать из Израиля в какую-либо другую страну. И в этом стремлении они не одиноки. Так, тель-авивская газета "Наша страна" сообщает, что за 1970 год из Израиля уехало в другие страны 96 тысяч человек.

Многим бывшим гражданам СССР было разрешено вернуться на Родину. С некоторыми из них мы побеседовали. Вот что рассказывает Рива Исааковна Калинская, недавно вернувшаяся из Израиля в город Кишинев:

— Я родилась в Кишиневе, получила медицинское образование и 16 лет работала медсестрой. А родственники мои проживали в Израиле. Я была одинока с маленьким сыном. И родственники пригласили меня туда. Чтобы не быть одинокой, я поехала. Но к жизни в капиталистическом государстве я приспособиться не могла и поняла, что виновата перед сыном, увезя его с собой. Советское правительство разрешило вернуться мне на Родину. Я приехала. Получила квартиру. Сын учится. А я работаю опять медсестрой, и мне не грозит безработица. Я благодарна Советскому правительству и хочу предупредить всех тех, кто собирается ехать на «землю обетованную»: «Не спешите, хорошенько подумайте, чтобы не оказаться там в моем положении!»

Люди, вернувшиеся на Родину из Израиля, с гневом говорят о лживой сионистской пропаганде, об этом страшном дурмане.

Мария Розенталь некоторое время жила в Израиле. Показываем ей сионистскую брошюрку «Домой!». Спрашиваем, читала ли она. Отвечает:

— Да, но там все ложь. Пишут «братство по крови», «взаимное братство», «нет различий между бедными и богатыми, все дети Израиля». А на самом деле каждый за себя, каждый смотрит, как бы урвать у другого, а хозяева-капиталисты безжалостно эксплуатируют рабочих.— Она перелистывает брошюру и читает строки о «Законе возвращения»:— «Каждому еврею, где бы он ни находился, этот закон предоставил безусловное право прибыть в Израиль в качестве свободного и равного в правах гражданина». Это тоже ложь!— восклицает Розенталь.— На себе испытала такие «равные права». Я никогда не думала, что в еврейском государстве население делится на чистых и нечистых, на истинных евреев и евреев второго сорта. Евреи, приехавшие из стран Восточной Европы, в частности из социалистических стран, даже не могут мечтать о равных правах с «сабра». «Сабра» на языке иврит значит «кактус». Сионисты символически сравнивают коренное население с этим растением. И «сабра» — «истинные евреи» пользуются в Израиле самыми большими привилегиями. На втором месте так называемые «чистые евреи», принадлежащие к испанскому типу. Евреи восточноевропейских стран здесь объявлены «неполноценным биологическим видом»... «Расой рабов», «недоразвитыми» называют в Израиле людей, к которым приклеен ярлык «черные евреи».

Вот что рассказывает о «стране обетованной» Альберт Штерн, проживший в Израиле много лет:

— Советского человека поражает, что еврейское государство Израиль смогло встать на путь захвата чужих территорий, по сути дела, на путь фашистской Германии. Я уехал в Израиль, не окончив средней школы. Образование продолжать там не смог, так как надо было искать работу, а это — дело нелегкое. Отец мой по специальности юрист. С большим трудом он устроился ночным сторожем. А мне в конце концов удалось поступить на работу в одну из механических мастерских в Тель-Авиве. Нашего заработка едва хватало на жизнь. Можно было бы мириться с лишениями ради какой-то высокой цели. Но я увидел своими глазами, какая глубокая пропасть лежит между сионистской пропагандой о райской жизни на «земле отцов» и действительностью, я понял, что стал жертвой обмана, и стал хлопотать о возвращении на Родину.

Альберт Штерн тяжело вздыхает, закуривает сигарету.

— И, знаете, — продолжает он,— мне хочется, чтобы о моей горькой ошибке узнало как можно больше людей. Ведь еще есть такие, которые могут клюнуть на сионистскую пропаганду. Хочется предупредить их: вас ждут там только большие разочарования, вы станете «пушечным мясом» и погибнете за интересы капиталистов. Родина у нас одна, там, где мы родились, там, где мы живем,— Советский Союз.

Международные сионистские круги и правящая израильская верхушка множат усилия своей ядовитой пропаганды. Но правду о фашиствующем сионизме, о капиталистическом агрессивном Израиле скрыть невозможно.

ДЕД И КУКА

Валентин ЗАМКОВОЙ

РАССКАЗ

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Внук родился тогда, когда еще не умели предугадывать пол ребенка, а тем более искусственно влиять на его принадлежность к одной из двух половин рода человеческого. Любящие родители дали малышу жизнь и православное имя — Дмитрий, а Дед — варварские, но прилипчивые имена: Кука и Мапа. Бабушке он был мил во всех ипостасях, не нравилось лишь одно: новый потомок сделал ее в родственной иерархии на одну ступеньку древнее, чем того ей хотелось.

Свежераспустившаяся почка на этом генеалогическом древе, обильно поливаемая улыбками и молоком Матери, чувствовала себя отлично. Склоненная над колыбелью гротескно-некрасивая старая физиономия Деда, пожалуй, могла бы напугать младенца, если бы тот в неведении страха не стал со временем платить за внимание улыбкой. Пристальный взгляд пожилого человека постоянно отмечал две поразительные особенности личика младенца: перламутровую белизну белков глаз и крохотный подбородок, который намекал, что по законам филогенеза человечества, установленным великим отшельником из Дауна, малютка не скоро овладеет второй сигнальной системой — людской речью. Но кричать он умел столь же громко, как и его далекие, лишенные вообще подбородка предки — дриопитеки и австралопитеки.

Тем не менее Дед, подчиняясь все растущей симпатии к пришельцу из утробного мира в мир реальный, земной, стал примерять появление этого индивидуума к различного рода демографическим аспектам и каким-то образом высчитал, что его Внук является четырехмиллиардным трехсотшестидесятимиллионным с лишком существом по числу обитателей нашей планеты, которому, не прибегая к астрологическим гаданиям, предначертано великое будущее. Своими надеждами он поделился с невесткой:

— Когда великие люди уходят в небытие, газеты пишут об этом. Странно, почему они молчат, когда великие люди рождаются? Не думаешь ли ты, что твой первенец займет достойное место среди племени Homo sapiens? И хотя говорят, что рождение ребенка — генная лотерея, но я уверен, наш-то Мапа слеплен из добротного материала. Я не хочу впадать в назидательность, но попрошу запомнить на будущее: лишь уход и надлежащее воспитание сделают малютку таким, каким мы хотим видеть его. Но, главное, береги слезы своего малыша, дабы он мог, не растратив попусту, проливать их на родительских могилах. Это не моя сентенция, а Пифагора, кончину которого оплакивало все человечество.

Жене свой чисто родственный интерес и любовь к Внуку, чтобы не показаться смешным и сентиментальным, объяснил нагромождением причин, связанных с высокими побуждениями педагога проследить за становлением личности на самом раннем ее этапе развития, от рождения, ну, скажем, до двух лет.

— Судя по настроению молодоженов, нам не угрожает «Бебибум», так сказать, эскалация внуков, поэтому сосредоточим внимание на имеющемся экземпляре. По всей вероятности, у нас намечается диктатура... К чему это я, спрашиваешь? Где-то читал: один ребенок в семье означает монархию, двое — олигархию, трое — демократию, четверо и больше — анархию. Любопытно знать, какое определение подобрал бы остроумец для семьи моей бабушки со стороны матери, состоявшей из 14 душ? Анархия, если можно так выразиться?.. Так вот, у родителей вряд ли хватит терпения фиксировать все проявления физического и духовного роста малыша, а ему-то, когда он достигнет преклонного возраста, как наш, захочется совершить путешествие в свое прошлое и, быть может, совершая его, прочувствует во всей глубине восторженное аланмаршаловское: «Чудо, я был ребенком!» Пусть мои записи заменят ему тогда уэллсовскую «машину времени». Не скрою, меня интересует и другое: та таинственная «акселерация», присущая детям и подросткам XX века,— их раннее созревание и развитие в физиологическом и психическом отношении. Не знаю, проявится ли она до трех лет у нашего Куки, но у меня хватит терпения понаблюдать за ним. А ты, как любящая Бабушка, поможешь мне в этом предприятии.

Это она обратила внимание, как охотно и с наслаждением малыш глотал очередную ложечку рыбьего жира (третье, великолепное по вкусу после материнского молока и подсахаренной воды блюдо), как скандалил, расставаясь с ванночкой. Путешествуя на руках у взрослых, он познал ритуал открывания дверей, настойчиво требовал обсервации уличного движения из углового окна, усвоил тайну добывания воды из крана, электрического света, преимущества теплой батареи и многое другое из коммунальных удобств, чего не было в пещерах его архидалеких предков — первобытных людей, неизвестно как умудрявшихся лелеять и беречь ему подобных сверстников. В отличие от них на страже здоровья Мапы, кроме печатных руководств по уходу за грудными детьми, вскоре оказались сульфамидные препараты и антибиотики, долженствовавшие сбивать температуру и изгонять из больного тельца пневмококки, гриппозные вирусы, ангинозные бактерии, которые до года исправно досаждали младенцу, но особенно лечащему педиатру. Дед, никогда ничем не болевший, обладавший устойчивой идиосинкразией к пенициллину, пытался было протестовать против частых уколов Внуку этого средства, но женские опасения (трио: Мама, Бабушка и Врачиха) всегда оказывались сильнее его благоразумия.

В светлый промежуток между двумя недомоганиями, на седьмом месяце, а по японскому, с биологической точки зрения более правильному счету, на шестнадцатом месяце (9 плюс 7) жизни, Кука произнес первое слово и им оказалось, к восторгу главы семейного клана,— «Дэда».

Лучшего ключа к его сердцу подобрать было невозможно, и в своем восторженном состоянии Дед даже не подумал о несколько уязвленном чувстве Матери и Отца, а Бабе поведал фантастическую историю, что желанного добился методами гипнопедии, когда он иногда нашептывал данное слово спящему Куке.

Дальнейшие лингвистические успехи Внука («мама», «папа», «баба», «дай», «на») совпали с

прямостоянием и прямохождением. Благодаря терпению и взлету технической мысли Отца, соорудившего горизонтальную палку-перекладину, за которую держался ручонками Мапа, последний избежал унизительного способа передвижения — ползания. При самостоятельных вылазках ему благоприятствовали стены и мебель, а позже собственный живот, ухватившись за который он стал чувствовать себя устойчиво, как дорожный каток. Обретенная мобильность дала ему возможность по собственному почину совершать визиты в комнату Деда и Бабы. Ростом с веник, этот симпатяга, переполненный доброжелательством, любопытством и нежностью, с забавно сморщенным носиком, из-под которого вылетало подкупающее и восторженное «Дэда», появлялся на пороге. Контакт устанавливался моментально, все дела откладывались в сторону, из-за письменного стола слышался призывный голос главы семейства:

— Иди, иди ко мне, похититель времени! Мы поначалу обсудим проблему, во что обходится нам закрытие Суэцкого канала и прекращение потока туристов в ОАР, а потом помузицируем и изобразим с тобой лошадку.

Включалось радио, и, если мелодия приходилась по душе, малыш пытался приподнятыми ручонками дирижировать, по-своему подпевать, далее велся счет машинам из окна, несусветный восторг у него вызывало редкое появление лошадок («кло-кло»), после чего он уже в качестве всадника гарцевал на шее Деда, визжа и дурея от восторга. Баба в этом случае, охранительно растопырив руки, шла позади, умоляя прекратить опасные шалости. Между ними начинался непримиримый диалог.

Баба. Ребенок не игрушка! Ты ему можешь что-нибудь повредить.

Дед. Ему это нравится. Что может случиться с ним?

Баба. Прикусит язык. Ушибет головку.

Дед. Ты даже боишься, что он может удариться о радугу и набьет шишку, чего доброго. Он и так у нас излишне осторожный; я в свое время хватал руками огонь, хотя на тебе ожегся, падал с ночного горшка и с деревьев, причинял себе порезы, прошил палец на швейной машине, тонул и тем не менее украшаю твою и Кукину жизнь.

Баба. Избавь меня от сарказма...

Дед. Это не сарказм, а остатки былого юмора, чувство которого я напрасно пытался тебе привить. А вот наш Внучек, кажется, к нему восприимчив.

Баба (с безнадежным взмахом ладони). Ты явно впадаешь в детство. Вспомни хотя бы болтовню о хвостах...

И в какой-то степени она была права: Дед если не становился ребенком, то великолепно под него подлаживался, чтобы полнее раствориться в своем Внуке. Он ухитрялся угадывать малейшие интересы малыша, вспоминал детские игры, вел себя иногда нелепо не по возрасту, но сумел привязать к себе Куку, ибо чем можно было объяснить его ежеутреннее вопрошание: «Где Дэда?»

Что касается истории с хвостами, то действительно таковая имела место, когда Дед на очередном семейном совете в шутку пожалел, что у Куки, равно как и у всего человечества, отсутствует эта конечность.

— Балансируя хвостиком, он тогда меньше бы падал. Мне кажется, что в эволюционном развитии случился просчет и хвост мог бы остаться весьма полезным, а не атавистическим органом у людей. Судите сами: любящие пары могли бы ходить не под ручку, а под хвостик, а высвободившиеся руки с социальной точки зрения означают многое. Подросткам доставляло бы огромное удовольствие висеть вниз головой с деревьев, а женщины имели бы вечную пуховку для косметических целей и ершик для мытья кефирных бутылок. Но, главное, хвост мог бы служить отличным индикатором психического состояния его владельцев. Располагая таковым, моя жена в эту минуту продемонстрировала бы, к примеру, высшую степень ярости, а посему я, виновато виляя своим, пожалуй, покину высокое общество.

Прямохождение Мапы (вкус к ползанию у него пробудился позже и лишь на короткое время), естественно, вызвало желание у Матери видеть его в длинных штанишках, в которые он с таким же успехом мочился, как и в колготки. Отрадно было одно: пойманный на месте преступления, он, разумея недопустимость содеянного, осуждающе тянул «ай-ай-ай», а будучи незасеченным, хитрил и сваливал вину на Деда.

— Моей матери было легче со стиркой,— как-то обратил внимание невестки на давнюю фотографию Дед, где он щекастым трехлетним бутузом восседал на руках родительницы в платьице, расцвеченном горошком.— Конечно, такой наряд — форменное надругательство над мужским достоинством, но в нем был и определенный смысл. А сейчас облачай Куку, мы с ним погуляем, отправимся на поиски лошадок, коз, собачек и мяу-мяу.

Теперь с наступлением тепла часто можно было видеть шагающих по улице двух парней образца 1969 и 1911 годов, и когда прохожие останавливали восхищенный взгляд на первом, второй расцветал улыбкой, точно он был непосредственным виновником существования очаровательного малыша, хотя каждому было ясно, в каких родственных связях они находятся. Когда обедневшая городская фауна сулила им мало находок, тогда они забредали к реке и способствовали ее обмелению, бросая камни в воду. Немало утех доставляло приобретение игрушек и Внуку и Деду, особенно последнему, вспоминающему, сколь удручающе ограниченным был их набор в его далеком прошлом (глиняный петушок-свистулька, тряпичный мяч, обруч от бочки).

Этапы взросления Куки следовали один за другим: вот и забыт вкус материнского молока, ротик наполнился острейшими зубками, а головка — новыми премудростями. Интерес к животным сменился интересом к машинам, наконец-то сказался и книжный культ, царивший в семье,— совместное рассматривание иллюстраций стало входить в привычку, и сущей музыкой для всех звучала просьба двухлетнего малыша: «Поцитай, Дэда!» Главой семьи высоко ценилось то обстоятельство, что ни одна книга, ни одна страница их не претерпела от руки малютки. Может, он догадывался, что ему предстоит овладеть богатствами этой библиотеки?

Умиление вызывало желание маленького человечка быть полезным взрослым: всего охотнее он приносил пришедшему с работы Деду комнатные туфли, снимал с него шляпу, после чего с удивительным постоянством тянул его к письменному столу рисовать «манины» (автомашины и все, что имеет колеса). Осмысленность поступков ребенка привела к тому, что уже неудобно было его называть Кукой и Мапой, и он отныне стал величаться Димой или на худой конец Дим-Дим.

Отец малыша, зная несколько деспотичный и суховатый характер Деда, изрядно был удивлен его привязанностью к самому младшему члену семьи, непривычными проявлениями баловства и потаканиями крохе и как-то, не удержавшись, ревниво заметил:

— Не следовало бы Бабе и вам превращать ребенка в игрушку, это его портит, делает капризным и непослушным, а нам потом — отдувайся.— И подлил масла в огонь: — Не на внуках ли деды искупают ошибки воспитания своих собственных детей?

Отец Отца хотел было вскипеть, но, должно оценив горький каламбур, в поисках ответного начал с возражений:

— Ты не можешь помнить, как я относился к тебе в Димином возрасте и позже, пока не стал плохим учеником. Этих задатков мы тебе не передавали, вот почему меня волнуют возможные комплексы твоего сына. Как говорят, процент дороже капитала, потому-то внуков и любят больше. Но не будем походить на обезьян в клетке, обменивающихся блохами, а потому я первым прекращаю спор.— И величественно удалился в свою комнату.

Нельзя сказать, что среди взрослых не было единства взглядов на воспитание малыша,— все ему желали добра, но нюансы в подходе к нему, оценка его поведения часто оказывались несогласованными. Баба не переносила рева малютки, родители же доказывали, что этим укрепляются легкие, первая настаивала на усиленном кормлении «худышкина сына», вторые утверждали, что он сам знает, сколько ему требуется еды, спорили по поводу кутания, его самочувствия, способов лечения, методов поощрения и наказания и просто так, из чувства добрых побуждений, приводивших к недобрым чувствам.

Баба проливала слезы вместе с Димой, если к тому строго относились или замечала, что Отец шлепал его за какую-нибудь провинность. Надежды ее на поддержку Деда в этом отношении не оправдались, и тот к «истукану» присоединил не менее выразительное прилагательное «варвар». Дед философски отнесся к свершившемуся:

— Легкая справедливая порка — тоже проявление любви к детям. С насилия, с акушерского шлепка начинается земная юдоль ребенка, без этого он не сделает первого вздоха. Говорят же: за битого двух небитых дают.— По причине приверженности к парадоксам добавил: — Лупить их надо хотя бы в порядке самозащиты.— И, привлекая Диму к себе, поцелуем осушил его глазенки.

СНОВА НИНА СТАТКЕВИЧ!

В Хельсинки, на чемпионате мира по скоростному бегу на коньках, Нина Статкевич после победы на чемпионате Европы в Ленинграде увенчана лавровым венком. Разделив с норвежкой Берг четвертое место на дистанции 500 метров, показав лучший результат на 1 500 метров, сохранив лидерство и после третьей дистанции — на 1 000 метров, Нина Статкевич закрепила свою победу в беге на 3 000 метров, показав третий результат. На втором месте осталась голландка Стин Кайзер, бронзовую медаль завоевала Людмила Титова.

На снимке: чемпионка мира Нина Статкевич и ее тренер Евгений Красильников.
Фото АП — ТАСС.

СОДРУЖЕСТВО

— Когда театр имени А. С. Пушкина определял свои, уже давно и прочно сложившиеся дружеские взаимоотношения с таким огромным промышленным предприятием, как Харьковский тракторный завод, мы, работники театра, поневоле задумались: а кто же все-таки из нас шеф и кто подшефный? — говорит директор театра В. Т. Буквин в беседе с корреспондентом «Огонька».— Ведь нынешний ХТЗ — это не просто большой завод. Это объединенная передовыми советскими взглядами целая армия носителей передовой советской культуры. Это люди всесторонне развитые, имеющие свои требования к искусству, да и сами далеко ему не чуждые. В доказательство сошлюсь хотя бы на многие замечательные коллективы художественной заводской самодеятельности, где растут одаренные кадры народного творчества.

Но только ли помощь театра этим коллективам, связь с ними определяет существо шефской работы? Конечно, нет!

Наши отношения многосторонни и глубоки. В течение долгих лет они строятся на основе обоюдной помощи, взаимного творческого обогащения. Театр, знакомя со своими работами тружеников завода, стремится воспитать у них высокие эстетические вкусы, повседневное стремление к прекрасному, здоровому, реалистическому искусству. В то же время и вся жизнь заводского коллектива — его коммунистическое отношение к труду, высокое понимание общественного долга — всегда дает артистам театра имени Пушкина прекрасную возможность познания действительности, высокий пример для создания образа героя-современника... А надо ли говорить, как много это значит для дальнейшего повышения актерского мастерства, для идейного роста нашей художественной интеллигенции...

Встречи театра с рабочими ХТЗ — и в цехах завода и в зрительном зале театра — неизменно проходят с таким подъемом, так дружно, что рождают обоюдный душевный подъем, взаимное чувство творческой радости и благодарности.

Все мы чувствуем, что завод и театр — друзья. Поэтому и отношения свои мы назвали содружеством. Сейчас, накануне XXIV съезда КПСС, мы обсудили их детально, в подробностях, и в ознаменование того, что дружба наша не на короткий срок, подписали договор о социалистическом содружестве до конца 1975 года.

Проверять выполнение договора по всем пунктам мы будем достаточно часто. В этом кровно заинтересованы обе договаривающиеся стороны...

Сцена из балета «Золушка». Фото Е. Умнова.

В. И. Ненашев, главный режиссер харьковского русского драмтеатра имени А. С. Пушкина, выступает перед работниками ХТЗ.

ВЕЧНО ЮНАЯ «ЗОЛУШКА»...

Есть балеты, каждое представление которых — праздник. В музыке, в их драматургическом и пластическом решении заложены такие богатейшие возможности творческих открытий, что каждый новый талантливый, ищущий исполнитель привносит в общий ансамбль еще одну яркую краску.

Одним из таких спектаклей, составляющих золотой фонд советской хореографической классики, стал балет выдающегося русского композитора С. Прокофьева «Золушка», поставленный в 1945 году на сцене Большого театра балетмейстером, народным артистом СССР и КазССР Р. В. Захаровым в содружестве с театральным художником, заслуженным деятелем искусств РСФСР П. В. Вильямсом и дирижером, народным артистом СССР Ю. Ф. Файером.

Двадцать пять лет назад родился этот спектакль, чтобы с триумфом прошествовать по сценам нашей страны и лучших театров мира, демонстрируя всепобеждающую силу реалистических принципов советского балетного искусства. Целомудренная, мелодичная музыка С. Прокофьева в хореографии Р. Захарова воплощена тонко и гармонично. Движение в танце не как самоцель, а как средство пластически осмысленной передачи чувств героев, развития их взаимоотношений, примет сказочного мира, их окружающего,— именно эта реальность танца сделала «Золушку» одним из самых популярных балетов нашего времени. Главную партию в этом спектакле Большого театра в свое время танцевали выдающиеся балерины: М. Семенова, Г. Уланова, О. Лепешинская, блистательным дебютом стала «Золушка» для Р. Стручковой.

И вот прошло двадцать пять лет после первого представления. Большой театр вновь показывает этот спектакль.

В исполнении прекрасной молодой балерины Е. Максимовой Золушка грациозна, изящна. Ее кротость еще больше оттеняет стремительную энергию, порывистость Принца — В. Васильева. Его фантастически высокие прыжки, безукоризненные вращения никоим образом не демонстрация поразительных профессиональных данных танцора. В них стремление дать выход темпераменту героя, буре молодых страстей. Принц — весь порыв и действие юности. Меняется он только рядом с Золушкой: бесшабашное озорство бесследно исчезает, уступая место трепетному и мужественному преклонению перед зарождающимся чувством.

Большая удача в работе Р. Захарова — образы Мачехи и злых сестер. Сарказм, ирония, гротеск нашли в пластике этих ролей бесподобное выражение... Исполнение партии Мачехи в первых спектаклях ярчайшей танцовщицей В. Кригер до сих пор овеяно легендами; сейчас эта роль поручена Н. Рыженко. Ее спесивая, надутая дама одновременно и страшна и жалка. Запоминается Старшая сестра И. Васильевой — это уже не просто капризное, избалованное дитя, а достойная дочь своей злобной мамаши...

Такова «Золушка»... Как видим, она не стареет.

О. САХАРОВА

НА ЭКРАНЕ ОПЕРА БОРОДИНА

Знаменитое произведение Бородина опера «Князь Игорь» получила вторую, экранную жизнь. Картина поставлена на киностудии «Ленфильм» Романом Тихомировым, главным режиссером Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова. Ранее он экранизировал «Пиковую даму», «Евгения Онегина» и другие оперные спектакли.

В фильме заняты замечательные певцы: Т. Милашкина и В. Киняев в партиях Ярославны и Игоря. Мощный, выразительный бас Е. Нестеренко, лауреата 4-го Международного конкурса имени Чайковского, звучит в арии Кончака. Ария Галицкого, речитативы Скулы и Ерошки исполнены В. Малышевым, В. Морозовым и С. Стрежневым.

Для воплощения зрительных образов «Князя Игоря» режиссер искал типажи наиболее яркие. И вот в роли князя Игоря мы видим на экране молодого артиста Б. Хмельницкого. Великолепен Кончак у осетинского артиста Б. Ватаева. Обаятельный образ чистой и отважной Ярославны создает Н. Пшенная. Впервые в кино снялась играющая Кончаковну И. Моргоева, поет эту партию И. Богачева.

Н. ЗЫБИНА

29 января в Центральном Доме Советской Армии собрались читатели журнала «Огонек».

О планах и задачах «Огонька», работе редакционного коллектива в предсъездовские дни собравшимся рассказали главный редактор А. В. Софронов, заместитель главного редактора И. Ф. Стаднюк, главный художник И. В. Долгополов, редактор международного отдела Н. Б. Пастухов, заведующий военно-патриотическим отделом В. В. Павлов, редактор фотоотдела Д. Н. Бальтерманц и фотокорреспондент Г. И. Макаров.

Поэты В. Сорокин, В. Котов и Н. Поливин прочитали свои новые стихи.

Б. Хмельницкий в роли князя Игоря.

ОЖИВШИЕ ОБРАЗЫ КУПРИНА

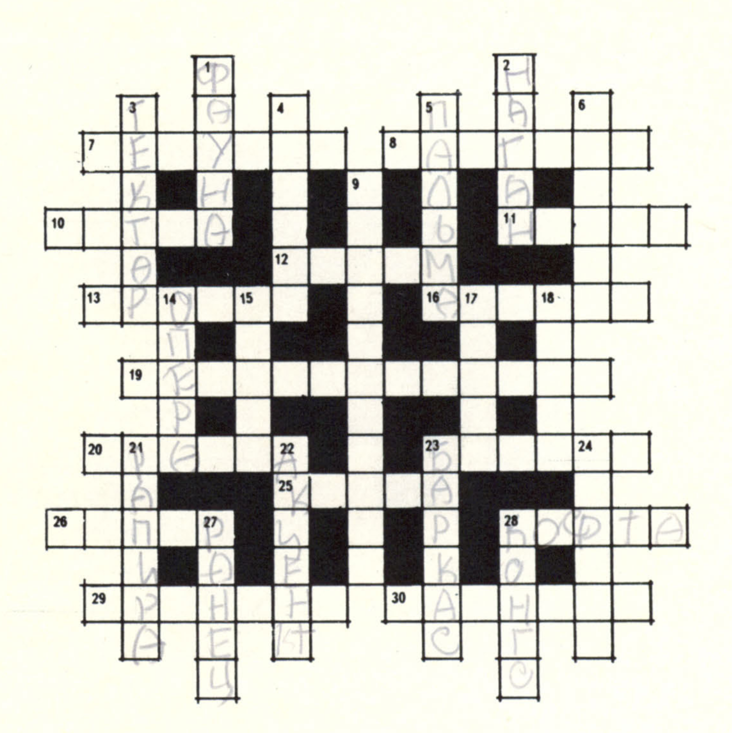
К повести А. Куприна «Впотьмах» мы будем не раз возвращаться, вновь и вновь увлекаясь острым сюжетом, яркими характерами героев. Поэтому недавняя постановка спектакля «Впотьмах» привлекла такое внимание телезрителей.

Московский Театр сатиры осуществил эту постановку интересно, со своим, оригинальным взглядом на события повести, на ее персонажи,— может быть, о них возникнут споры... Бесспорным же в спектакле кажется образ, созданный артистом Андреем Мироновым.

Прекрасно играет Миронов инженера Аларина — человека себялюбивого, скрывающего за великолепной внешностью и обаянием, за обходительностью манер полную внутреннюю ничтожность. Удивительно тонко переданы артистом все оттенки чувств и переживаний личности мелкой, никчемной, которая, несмотря на все ее стремления подняться выше окружающего «светского» общества, протестовать против него,— на словах, конечно,— все глубже увязает в этой трясине. Безволие — суть натуры Аларина, в меру «благородного» и в меру подленького провинциального обывателя...

Образ Аларина — еще одна, и немалая, удача талантливого актера.

Н. АЛЕКСЕЕВА

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Герой романа М. Ю. Лермонтова. 8. Совокупность оборудования верхней палубы корабля. 10. Цветок. 11. Узбекский поэт и мыслитель. 12. Многослойная техническая ткань. 13. Роман О. Гончара. 16. Украинский смычковый инструмент. 19. Город в Казахстане. 20. Гора на севере Чехословакии. 23. Водопад, низвергающийся уступами. 25. Персонаж пьесы А. П. Чехова «Три сестры». 26. Приток Дона. 28. Верхняя рубаха. 29. Государство в Европе. 30. Генератор для зажигания рабочей смеси в двигателях внутреннего сгорания.

По вертикали: 1. Растительный мир. 2. Огнестрельное оружие. 2. Мера земельных площадей. 4. Промысловая рыба. 5. Тропическое дерево. 6. Парнокопытное животное. 9. Гимнастический снаряд. 14. Музыкально-драматическое произведение. 15. Печатная форма для воспроизведения иллюстраций. 17. Порт в Чили. 18. Помещение на корабле между водонепроницаемыми переборками. 21. Оружие для фехтования. 22. Манера произношения. 23. Рыбацкая лодка. 24. Курорт в Крыму. 27. Ученическая сумка. 28. Река в Африке.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали: 3. Хореография. 8. Филолог. 9. Семафор. 10. Шпиль. 12. Гораций. 14. Ботва. 18. Познань. 19. Спиноза. 20. Астрограф. 23. Амнерис. 24. Кокарда. 27. Напев. 28. Базаров. 29. Вебер. 32. Каравай. 33. Писарев. 34. Широконожка.

По вертикали: 1. «Ледоход». 2. Камелия. 4. «Обоз». 5. Иран. 6. Шиллинг. 7. Полотно. 11. Программа. 13. Андромеда. 15. «Возмездие». 16. Онтарио. 17. Апофеоз. 21. Реферат. 22. Галерея. 25. Саратов. 26. Полигон. 30. Сани. 31. Банк.

На первой странице обложки: Чемпионы Европы Людмила Пахомова и Александр Горшков.

Фото А. Бочинина.

На последней странице обложки: В зимнем наряде.

Фото Дм. Бальтерманца.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото—253-39-04; Оформления—253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 26/I-71 г. А 00513. Подп. к печ. 9/II-71 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 211. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 224.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Призеры в одиночном катании (слева направо): С. Четверухин (СССР), О. Непела (Чехословакия), Х. Аунджан (Великобритания).

Этими двумя достоинствами многочисленные знатоки фигурного катания объясняют успех советских спортсменов, выступающих в парном катании и в танцах на льду на чемпионате Европы в Цюрихе. Давно уже прошло то время, когда наши победы в этих видах фигурного катания на чемпионатах Европы и мира вызывали удивление. Нет, сейчас как сенсация воспринималась бы наша неудача. После чемпионата Европы в Швейцарии всем ясно, что позиции советских фигуристов неуязвимы. Ирина Роднина и Алексей Уланов в третий раз стали чемпионами континента, а танцевальная пара Людмила Пахомова и Александр Горшков — во второй раз. Больше того, в парном катании на пьедестале почета наши спортсмены вообще никому не оставили места.

Но в Цюрихе, кроме этого закономерного успеха, достигнут еще один: впервые советский фигурист в одиночном катании завоевал на чемпионате Европы серебряную медаль. Сергей Четверухин уже в обязательной программе вышел на второе место, проигрывая лишь одному Ондрею Непеле, безусловно, сильнейшему фигуристу Европы. После великолепно проведенного выступления в произвольной программе Четверухин поднялся на вторую ступень пьедестала почета.

Темп и красота — так определяют знатоки фигурного катания отличительные черты советской школы и в парном катании и в танцах на льду, теперь эти же качества продемонстрировал в Цюрихе и наш спортсмен, выступавший в одиночном катании.

Соревнования в Цюрихе закончены, но впереди новая встреча, на сей раз на мировом первенстве в Лионе. Скоро мы снова сможем насладиться стремительными и безупречными по красоте движениями сильнейших фигуристов.

С. Четверухин — серебряный призер чемпионата.

ТЕМП И К

Чемпионы Европы в танцах на льду Л. Пахомова и А. Горшков со своим тренером Е. А. Чайковской.

Л. Смирнова и А. Сурайкин — вторые призеры чемпионата Европы.

Трехкратные чемпионы Европы в парном катании И. Роднина и А. Уланов.

РАСОТА

Фото Л. Бородулина, А. Бочинина
и Фотохроники ТАСС.

В парном катании все места на пьедестале почета заняли наши спортсмены. Слева направо: Л. Смирнова — А. Сурайкин, И. Роднина — А. Уланов, Г. Карелина — Г. Проскурин.

Г. Карелина и Г. Проскурин — третьи призеры чемпионата Европы.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.